

Ева Ночь

16+

МОЙ ГЕНИАЛЬНЫЙ ЗАЛЁТ

Ева Ночь

Мой гениальный залёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67368422

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда тебе почти тридцать, не стоит ждать принца. Надо включить магию пяти «О»: охмурить, оседлать, оплодотвориться, осчастливить, обеспечить! Нет, не с первым встречным, а с миллионером! И я вроде бы всё сделала правильно: миллионера нашла, соблазнила и забеременела. А дальше всё пошло не по моему сценарию. И мужчина оказался не тот, и любовь внезапно вспыхнула и выжгла сердце дотла... В этом случае включается правило трёх «не»: не унывать, не сдаваться, не отступать! И тогда он никуда не денется, влюбится и женится!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	67
Глава 11	73
Глава 12	80
Глава 13	86
Глава 14	94
Глава 15	102
Глава 16	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Ева Ночь

Мой гениальный залёт

Глава 1

Ба-бах! Поехали!

Юля

Мне любые вершины по плечу. Я везунчик по жизни. У меня всё получается, я всего добиваюсь.

Так обо мне говорят подруги и враги. У меня и то, и другое в наличии, а как же. Почти в двадцать восемь жизненный багаж напоминает чемодан с беременной крышкой: всё ещё впихивается, но уже ничего не помещается.

– Юль, ты, можно сказать, с золотой ложкой во рту родилась, – твердит нередко Розка. – Многие кровью и потом, кровавыми мозолями чего-то добиваются, а ты легко: тык-тыц-туц – и в дамки!

Слышать такое немножко обидно, но с Розкой спорить – себе дороже. Мы с ней со школы дружим. За одной партой сидели. Она у меня, между прочим, контрольные по математике списывала и сочинения сдирала, не потрудившись даже абзацы местами переставить или слова перетасовать.

Ну, и в результате имеем что имеем: я и школу с золотой медалью закончила, и институт – с красным дипломом. Но

тыщ-тун-туц – это танец папуасов, а не мои бессонные ночи и старания.

Просто у меня целеустремлённость есть и желание побеждать. А у Розки всё намного попроще. Без высоких эмпиреев, но зато как положено: почти сразу после школы она замуж выскочила, институт кое-как на заочном дотянула и благополучно сидит дома за широкой мужниной спиной.

Нынче она квалифицированная домохозяйка, мать почти трёх детей. Она снова немножко беременна и сияет, как ясное солнце в погожий день.

– В этот раз, – качает она красивым наманикюренным пальцем, – у нас будет сын!

– А если снова дочь? – да, я немного пессимист, а точнее – реалист. И мне не понятна её жизнерадостная уверенность.

Роза морщит лобик, словно я ей теорему Пифагора рассказала, и теперь приходится мучительно соображать, что, куда и почему, а затем вздыхает:

– Значит, следующий будет обязательно сын. Но я уверена: в этот раз и никак по-другому. Не сбивай мой чуткий настрой на тонкие эфирные тела, что формируют в моём животике моего уникального сына.

Это тебе Валерка там всё уже сформировал. Зафутболил самый главный сперматозоид, и хоть связывайся с эфирными телами, хоть молись – лоб разбей, уже ничего не изменится.

Вслух я, естественно, свои рациональные и очень трезвые,

научно обоснованные мысли произносить не смею. Пусть лучше верит во всякую чушь. Розка мне больше радостной нравится. Она когда всем довольна, то и меня не особенно достаёт.

Мы встречаемся по выходным. Это наши законные девичники. Часы священных коров, когда никто не смеет нас трогать. Я даже телефон на пару часов отключаю, потому что в жизни деловой женщины всегда должно быть время для релакса. Кто в бассейн ходит, кто в спа-салоны, а я встречаюсь со своими подружками.

Вот и сейчас мы с Розкой сидим на открытой террасе, наслаждаемся почти летним солнцем. Я пью белое вино, а подруга – сок. Крепче ей нельзя, но она и так пьяная от своей беременности. Эля, как всегда, опаздывает. Коронная фишка нашей третьей ипостаси.

Она прибегает через полчаса, вся в мыле, рожа лица красная. Падает на стул с разбега. Стул, естественно, под ней стоит. Нет, Элька не пышка, но бёдра у неё крутые, а попа аппетитная, как она постоянно заявляет, когда Розка, косясь и вздыхая, предлагает ей немножечко потренировать ягодичные мышцы.

У Розки и Эльки затяжной многогодовалый, но незначительный конфликт на почве ревности: они никак не могут поделить меня, и приходится ужом между ними вертеться, чтобы погасить назревающие ссоры. Впрочем, как бы там ни было, мы вполне уживаемся и по углам отдельно не встреча-

емся.

Элька появилась уже в институте, где мы с Розой тянули каждый свой крест на великую Голгофу собственной жизни. Мы, как в дурацком анекдоте, познакомились в библиотеке. Да так и пошли по жизни дальше, чтобы, как говорится, и в горе, и в радости познавать все грани настоящей женской дружбы.

К счастью, девчонки у меня – золото. А кто святой и без недостатков, тот пусть лично за враньё разобьёт о свою голову камень. Или голову камнем – это смотря кто окажется счастливчиком. Чаше камням везёт больше.

Элька – в активной стадии развода со своим Пупсиком. Большой корабль Любви разбился о рифы Быта.

– Да козёл он и ваще, – односложно шурит глаза и поджимает губы Элька, не пытаясь что-то объяснить.

У них... всё очень сложно. Заявление на развод подали, а продолжают ссориться, бурно мириться... в постели, чтобы наутро снова разбежаться по разным углам.

– Хорошо хоть детей ума хватило не заводить, – вздыхает судорожно наша третья подруга.

– Дети тебе не собака и не кошка, – ругает её Розка. – Просто вы оба ещё не созрели, хоть и дожили до глубокого третьего десятка.

Элька обычно после Розкиных намёков на возраст зеленеет. Её пугает цифра «тридцать», а поэтому все шуточки на эту тему она воспринимает болезненно.

– Мне всего двадцать шесть – заруби себе на носу! – повторяет она как попугай.

Справедливости ради – ей пара месяцев осталось до двадцати семи. Она моложе нас на год. Нам с Розкой – почти по двадцать восемь. Но подруга детства – без пяти минут трижды мать, счастливая жена, а я – совладелица и ведущий топ-менеджер в компании «Солнечный компас». Когда-нибудь компания будет моей. Но для полного счастья не хватает немного денег и везения, хотя Розка убеждена: тын-тунц-тун – и всё в шоколаде. Я бы тоже хотела в это верить.

– Тебе нужно мужика подцепить, – и нет, это не Роза мне советует, а Эля. Та самая, что со своим мужем разобраться никак не может. – Такого. Надёжного. С деньгами.

Сегодня на повестке дня у подруг – моя личная жизнь.

– Нет, не получится, – качает головой Роза.

Она хорошенькая, как куколка: тёмные тяжёлые волосы, шоколадные глаза, маленький носик, пухлые губы. В чертах проступает Восток, но тонко, ненавязчиво. Это папины татарские гены. Мама у Розы русская.

– Почему это не получится? – сверкает синими глазищами смуглая Элька.

– Так они тебе и повелись на престарелую деву, держи карман шире. Тут нужно тоньше действовать. По принципу пяти «О».

Это что-то новое в её репертуаре, и я не уверена, что хочу слышать подобный бред. Но если Элька с Розкой объединя-

ются, жди беды. Или большого шухера.

– Пять «о», – проникновенно вещает Розка, хоть её никто и не просил, – это цепь последовательных действий: о – охмурить, очаровать мужика. Пусть слюни до пола пустит. О – оседлать, как амазонка. А что поделать, подруга, цель оправдывает средства! О – оплодотвориться, пока клиент не очухался от твоей неземной красоты. Когда всё пройдёт благополучно, о – осчастливить его грядущим отцовством и... о – обеспечить на всю оставшуюся жизнь.

Розка кокетливо поправляет локоны.

– Судя по всему, именно так ты и охомутала своего Валерку, – ворчит Элька. То-то он у тебя взнузданный бегаёт.

– Завидуешь? То-то. Потому что твой Пупсик ну нифига не бегаёт. Разве что от тебя. А была бы умнее, уже б давно в кулачке его сжала и властвовала. Пару бутузов ему б родила, глядишь и ел бы из твоих рук!

У Эльки опасно блестят глаза. И от злости, и от подступающих слёз.

– Девчонки, не ссорьтесь, – кручу в пальцах ножку бокала с вином. – Нет рецептов семейного счастья. Есть счастливые стечения обстоятельств. Вот и всё. И вы это прекрасно знаете.

– Есть стечение, нет стечения – науке неизвестно, – налегает пышной грудью на край стола Роза, – но хотя бы попытаться можно? Биологические часы не лгут. Нужно плодиться и размножаться, но желательно – не в одиночку. Найти

того, единственного, и всё получится!

– Какую чушь ты несёшь, – улыбаюсь, но Розке удаётся меня зацепить.

Я вся в работе. Почти двадцать восемь. Никакой личной жизни, естественно. Когда-то у меня была попытка если не создать семью, то хотя бы удержать мужчину рядом. Неземная любовь, как говорят. И закончилась она так же – мощным взрывом, после которого я еле себя по осколкам собрала, чтобы жить дальше.

Поэтому я больше не хочу фейерверков до небес, любви до гроба. Может, как раз расчёт в моём случае – это правильно. Звучит мерзко? Зато честно.

Замуж не хочу, а ребёнка – да. Меня всегда тоской накрывает, когда я попадаю к Веткиным – Розке и Валерке. Там две маленькие веточки растут – черноглазые и черноволосые в мать Диана и Вера. Одной восемь, другой – четыре.

– А ты попробуй, – жарко шепчет Роза, – от тебя ж не убудет? Найдём нужного кандидата, подкатишь, соблазнишь, а там оно само сложится, как нужно.

Как ни странно, Элька тоже не возражает. Смотрит на меня внимательно. Я перевожу взгляд с одной подруги на другую.

– Вы не можете об этом говорить серьёзно. Вы решили сегодня поизмываться надо мной? – решительно ставлю бокал с недопитым вином на стол. – Здесь скрытая камера? Это розыгрыш у нас, да?

Но они смотрят на меня и держат паузу. Давят присутствием. Причем молчание действует на меня как нервнопаралитический газ. Или гипноз. Потому что я до сих пор понять не могу, почему тогда сдалась и сказала фразу, что перевернула всю мою правильную и размеренную жизнь с ног на голову.

– Хорошо. Ладно. Я могу себе это позволить – поддержать вашу дурацкую игру. Но только лишь затем, чтобы доказать: никакие пять «о» не делают женщину счастливой!

И это была моя фатальная ошибка.

Я собственными руками взвела курок, а уж мои подруги постарались – нажали на спусковой крючок.

Ба-бах!

Глава 2

День рождения олигарха. Завязка

Юля

Я сидела за столиком в шикарном ресторане. Если бы кто дал мне веер в руки, я бы обмахивалась им с усердием, будто у меня тремор рук. Но, к счастью, веера нынче не модны, а поэтому я веду себя вполне прилично.

Главное, чтобы никто не задал дурацкий вопрос, что я здесь делаю. Ответа у меня нет. Зато есть место за столиком. Не так уж трудно было сюда попасть, особенно, если в арсенале имеются люди, которые всегда заводят нужные знакомства и обладают неограниченными возможностями.

У меня такой человек имелся. Гага знала все сплетни, водила знакомства с нужными персонами и для неё попасть на банкет к миллионеру – как два пальца об асфальт.

В миру её звали Галя, но она предпочитала не помнить своё рабоче-крестьянское имя и величала себя Леди Гага (для своих – просто Гага). На мой взгляд, Галя куда благопристойнее звучит, но Гаге нравилось быть эпатажной, поэтому я усиленно молчала, хотя про себя называла нашу звезду Гусыней.

После того, как я повелась на уговоры двух подружек-авантюристок, они словно с цепи сорвались.

– Значит так, – ввалилась ко мне через день Элька, – будем

выбирать.

Вообще-то я собиралась рухнуть и поспать минут шесть-сот без задних ног, но моим скромным мнением никто не интересовался.

Элька водрузила на мой стол принесённый с собой ноутбук, любовно погладила ладонью крышку и подключилась к сети.

– Здесь база всех выгодных холостяков. Ну, может, не всех, но наш банк, если ты помнишь, – один из лучших, а клиенты у нас – сплошь солидные и денежные, а поэтому я отобрала для тебя вполне пристойных кандидатов. Руководствовалась принципами: а – богат, б – относительно молод, в – относительно морально устойчив, г – холост.

Логическим цепочкам Эльки можно позавидовать. Хороший аналитический ум. Пупсик явно пожалеет, если позволит ей развестись и уйдёт к какой-нибудь необразованной швабре.

Собственно, я поэтому и терплю Элькин наезд на моё жизненное пространство. У неё впервые за несколько месяцев глаза горят. Ну, не убудет от меня, если я ей подыграю. Пусть порадуется.

– Итак, приступим?

Я кивнула. А что мне оставалось делать?

Элькины руки порхают, как пальцы пианиста или фокусника. Она из недр своего ноутбука достаёт «кроликов» – великих кандидатов в мужья.

Фотки, конечно, обнять и плакать. Ну, как обычно. Паспорт, досье, личное дело... На всех этих «фото на документы» табло получается испуганно-деревянным с неживым взглядом в никуда. Редко кто получается нормально. Поэтому я особо не стараюсь вглядываться.

– Сосредоточься, Юля, а то просидим до утра! – шипит на меня Элька, и это неимоверно отрезвляет и мотивирует.

До утра я сидеть не согласна категорически. Я спать хочу. Мне работать. У меня должность нервная, я обязана восстановить нервные клетки, чтобы на людей не кидаться.

Я бы могла ткнуть пальцем в кого угодно. Чтобы только Элька отстала. Но я ко всему прочему ещё и честная. Халтурить не приучена. Обманывать тоже. Но смотреть на все эти колообразные лица не вмоготу.

– Вот этот вроде ничего, – неуверенно показываю пальцем на того, кто наконец-то приглянулся.

– Неплохой выбор, – воодушевляется Элька, – но давай, пусть кандидатов будет не один, а хотя бы три, чтобы было из кого выбирать.

С горем пополам я наконец-то определяю «подходящих самцов» (по классификации моей подруги Элизы Штерман) и медленно выдыхаю: наконец-то свобода! Моя кровать ждёт. Но вначале душ, махровое полотенце, крем-бальзам для тела с запахом персик-маракуйя...

– Ты о чём думаешь? – прерывает мои грёзы об отдыхе неугомонная подруга.

– Спать хочу, – признаюсь честно. – Давай уже завтра рассмотрим этих засранцев под микроскопом, определим их достоинства и недостатки, выберем лучшего из лучших.

– Тебе бы только дрыхнуть, – прищёлкивает языком недовольная Элька. – Никакой кровати, пока хоть вкратце не ознакомлю с матчастью.

И я покорилась, как тот унылый ослик.

– Кандидат номер один – Элькин Александр Аронович.

– Твой, что ли? – брякнула я, глотая зевок.

– Почему мой? – не поняла Элька.

– Ну, Элькин? – переспросила я, пугаясь.

Элиза закатила глаза и скорбно вздохнула.

– Это фамилия у него такая, бестолочь ты вселенская! Всем хорош. Богат, презентабелен, свободен. Есть пара-тройка недостатков. А – был женат, б – имеет дочь, в которой души не чает, в – ростом не вышел и склонен к полноте. Не критично, но живот немного в наличии.

– Давай дальше, – рот у меня просто судорогой свело, аж слёзы на глазах выступили. Но зевать в открытую я не посмела. Подруга ж старается.

– Кандидат номер два – Складовский Вениамин Игоревич. Очень обаятельный, внешне привлекательный, солидный бизнес, недвижимость за границей. Впрочем, у этих почти у всех имеется. Советую присмотреться пристальнее.

Мне впору было спички в глаза вставлять. Какой там присматриваться...

– И-и-и? – это почти зевок, замаскированный под вопрос.

– И Костров Павел Дмитриевич. Тоже не без недостатков, но по активам, пожалуй, Складовского заткнёт. Но есть и минусы: резковат и бабник. Убеждённый холостяк. Хотя сколько их таких пало в неравной битве и сдалось на милость Её Величеству Женщине?

– Эль, – а давай всю эту философию завтра? А лучше – послезавтра? – почти прорыдала я и была помилована. Элька, немного поворчав, ушла, посоветовав мне раскинуть мозгами.

Я могла только руки-ноги до душа дотащить, а потом упасть в кровать. Лицом в подушку. Плакал мой крем-бальзам с запахом персик-маракуйя.

На следующий день притарахтела Розка.

– Главное – пять «о» – помнишь? – жарко шептала она. – Они все любят наследников, поверь. Особенно когда денег много. Кому-то нужно добро оставить, иначе зачем жить?

У Розки своя философия. Я её слушала, кивала. В магию всяких там «о» не верила категорически. Не удержишь мужика ни детьми, ни красотой. Нужно что-то другое. Но опыта у меня, считай, ноль, поэтому я делаю вид, что слушаю глубоко замужнюю Розку.

В конце концов, у меня созрел собственный план. Мне бы ребёнка. А всё остальное как получится.

И выбор определился сам по себе. Как говорится, карта легла. Элькин уехал за границу и отпал. К Складовскому

подкатить в нужный для меня период не получалось. А вот Костров идеально вписался в мои далеко идущие планы.

Элька только руками развела.

– Не самый лучший выбор. Я бы сказала, худший из трёх. Даже Аронович с дитём предпочтительнее.

– Зато у него глаза красивые, – попыталась защитить я своего избранника.

– Глаза – да, – согласилась Элька. – И возраст нормальный – тридцать пять вот-вот стукнет, и – опять же – денег куча. Так что не без недостатков, но в разработку брать можно.

И вот я сижу в ресторане. Пью минералку и ничего не ем – кусок в горло от волнения не лезет. Именинник сидит напротив, через несколько столиков. Улыбки расточает, поздравления принимает. Ему тридцать пять, а выглядит замечательно. Не красавец, но по-мужски привлекательный экземпляр. Черты лица резковатые, подбородок тяжеловат, но зато фигура... Никакого тебе намёка на животик.

У меня нет никакого плана. Только импровизация. Надеюсь на русский авось. Этот ненадёжный, но очень смелый зверь нередко выручал. Может, мне повезёт и сегодня.

Как назло, ничего в голову не приходит подходящего.

Но рука Провидения всё же не оставила меня в трудную минуту.

Через время я отправилась в дамскую комнату, где мало-душно подумала: а не плюнуть ли мне на всё и потихоньку смыться? Вернуться домой, отдохнуть и забыть обо всём, как

о кошмарном сне.

Может, так бы оно и случилось, если бы, выйдя из туалета, я не подслушала один очень важный и судьбоносный разговор...

Глава 3

День рождения олигарха. Развитие действия

Юля

– Как бы мы на орехи не схлопотали, – картавит сочно Тенор. Голос мягкий, но звонкий.

Самих мужчин я не вижу – только слышу. Мне бы выйти да, извинившись, прошагать за свой столик, чтобы думу тяжёлую, как бильярдный шар, катать, а я засомневалась, растерялась. Зато уши мои благосклонно внимали всему, о чём эти двое болтали. Мысленно я окрестила их Тенор и Баритон – по тембру голосов.

– Да перестань, – Баритон отвечает с ленцой. В нём так и сквозит усмешка. Видимо, страх Тенора его забавляет. – У Павлика отличное чувство юмора – раз, к бабам он равнодушен – два. В-третьих, ну что этому зажавшемуся нуворишу подарить? Только соригинальничать. Думаю, он по достоинству оценит. К тому же, мы не какую-то там низкопробную шлюху ему подсунули, а очень даже элитную, বেশено стоящую эскортницу, почти гетеру. Ну побрезгует он ею – ничего страшного. Но я уверен: ему понравится. Тем более, там комната – шик, обстановка – класс. Запоминающееся надолго зрелище!

– Ну, ты старше, тебе виднее, – Тенор всё же сомневается, но если что, можно сказать, что это старший виноват.

– Да-да, вали всё на меня, – правильно понимает его Баритон, – если вдруг что, можешь вообще морду кирпичом сделать, будто ты ни при чём.

– Нет, ну как же, – снова припадает на весы сомнений Тенор, – мы же вместе, подарок, так сказать.

– А я тебе деньги верну, – Баритону явно нравится забавляться за счёт младшенького. – Но без обид: если Павлику всё понравится, то не примазывайся тогда, окей?

– Ладно, – судя по всему, чаша весов склонилась в пользу подарка Павлику, – где там твоя гетера?

– Да пошла воздухом подышать, скоро будет. Ты не переживай, она дело своё знает. За такие деньги она в космос без скафандра полетит.

Тенор и Баритон пошли вдоль по коридору, голоса их звучали тише, а вскоре и вовсе растворились в недрах ресторана.

Мозг лихорадочно работал. Я пока не знала, зачем мне эта информация, но под ложечкой сосало так, будто я год не ела.

И тут вынырнула она – гетера. Я сразу поняла. Умопомрачительно красивая, эффектная. В зале я её точно не видела.

– А ну стоять! – гаркнула я. Благо командовать приходилось много, поэтому искусством управлять массами я овладела в совершенстве.

Гетера глянула на меня с презрительным интересом, но остановилась.

– Это ты подарок? – уточняю на всякий случай.

Дева вздыхает и закатывает глаза.

– Только давай без истерик и рук, – выдаёт она и достаёт из сумочки баллончик. – Стреляю без предупреждения!

– Обойдёмся без войны, – трезво оцениваю ситуацию и на всякий случай отступаю на шаг. – Но договариваться придётся.

– Что ж вы все такие ревнивые-то, господа? – вздыхает гетера и, развернувшись ко мне спиной, шествует в туалет. Каблучки её туфель цокают по кафелю. Я осторожно иду за нею вслед. – Ну развлёкся бы мужик, оттянулся, набрался новых впечатлений, чтобы потом ещё пуще тебя любить и лелеять. С новым пылом, страстью, опытом! Не сотрётся же от одного раза-то!

Гетера достаёт пачку сигарет, зажигалку и открывает окно. Прикуривая, выпускает дым в полутьму за окном.

– Курить вредно, – выдаю на автомате. Я точно так гоняю своих подчинённых.

Девушка меланхолично пожимает плечами.

– А что полезно? Жить тоже опасно, но живём же?

Надо бы возразить, но такую не перевоспитаешь за несколько минут.

– Предлагаю взаимовыгодный обмен, – перехожу к делу и чувствую, как развязывается узел в животе. Оказывается, я была напряжена до предела. Вот же – комплекс отличницы. Любое дело обязана выполнить так, чтобы только по высшему пилотажу и никак иначе!

Гетера снова бросает на меня снисходительно-покровительствующий взгляд. Она явно меня жалеет. Ей ведь невдомёк, что я жалкая самозванка и пытаюсь сейчас осуществить безумную навязчивую идею.

– Обменяться хочешь? – хохотнула коротко она. – Телами? Да пожалуйста. Не очень-то и хотелось под твоего дрыща лечь.

– Павлик не дрыщ! – возмутилась я. Получилось настолько правдоподобно, что я сама себе удивилась.

– Ладно-ладно, – подняла руки вверх гетера, – самый красивый и замечательный с массой достоинств и вообще без недостатков. Потому что твой и верный до гроба.

– Тогда по рукам? – в таких случаях лучше не спорить по непринципиальным пустякам, а сразу переходить к делу.

– Неустойку плати, – спокойно пожала плечами жрица Любви и озвучила такую сумму, что у меня невольно волосы зашевелились даже там, где их отродясь не было.

– Тебе ж заплатили, – наехала я, пытаюсь прийти в себя. Однако. Аппетиты. Но тут же меня поставили на место, давая понять, что торг здесь не уместен.

Гетера снова пожала плечами и хищно шевельнула идеальной бровью.

– Или деньги, или я стану подарком. Ты же хочешь своему мачо сюрприз устроить? Но не за мой счёт. Как только мои наниматели узнают, что я нарушила договор, что они делают? Правильно, – кивнула она радостно, увидев движение

мысли на моём лице, – потребуют оплату назад.

Ничего они не потребуют, потому что ничего не узнают. Я не собиралась устраивать фейерверки. Мне нужно было всего лишь до тела добраться, получить своё и исчезнуть. А гетера, удвоив гонорар, будет хлопать в ладоши и подбрасывать в воздух трусы вместо чепчика.

Выхода я не видела. Торговаться, как на базаре, – тоже не вариант.

– Рассказывай, – приказала, доставая несколько купюр из сумочки. Я запасливая, да. Но всей суммы у меня не было. – Задаток. Остальное – после инструкций на карту.

По тому, как гетера лёгким пассом фокусника избавила меня от буржуйских банкнот, я поняла, что, кажется, дело пошло на лад.

– Я должна выпрыгнуть из торта, напевая «Хэппи бёстдей ту ю»? Или лежать на кровати голая, обвязанная бантом? Что? – допытывалась я, пытаюсь успеть за широким солдатским шагом длинноногой дивы. Такая интересная, а шагает, как боевой конь на плацу, надо же.

– Ну у вас и фантазия, дамочка, – съязвила стерва и добавила: – Но вам мозги, видимо, в одном месте выдают.

– Почему? – почти оскорбилась я.

– Сейчас поймёшь, – кровожадно оскалилась она, демонстрируя отличные зубы. Ряд белых жемчужин. Дорогая элитная штучка.

Не будь я настолько целеустремлённой, позавидовала бы

молодости и красоте. Но мне на такое времени не осталось.

Гетера тем временем вела меня вглубь дебрей – на второй этаж.

– Вип-комнаты премиум-класса. – пояснила она. – Впрочем, ты знаешь, наверное.

Я не знала, но кто об этом говорит вслух, когда решается судьба человечества в микроскопическом масштабе?

Вип-комната выглядела... странно, мягко говоря.

– Спецзаказ, – пояснила гетера, сжавившись, наверное, над моими круглыми глазами. – А вон твоя упаковка, пода-рочек, – съехидничала она и указала ухоженной рукой на... о, нет!

Я попятилась. Гетера перегородила выход.

– Давай, давай! Ты же хотела! – кивает она, изо всех сил сдерживая ехидную ухмылку.

Только не это. Судьба, ты не можешь быть ко мне настолько жестокой!

Глава 4

День рождения олигарха. Кульминация Юля

– Это что, гроб? – спросила и удивилась, как слабо прозвучал мой голос.

У Тенора и Баритона – извращённое чувство юмора. Жаль, у меня не хватило смелости выглянуть и лицезреть героев воочию. А теперь я не знаю, в чью большую голову пришла идиотская мысль. – Мне и клыки нацепить? Грудь кровью заляпать? Но сегодня вроде не Хеллоуин?

– Да ну тебя. Совсем на голову больная, – отмахнулась гетера от моих слишком реалистичных образов. – Это просто ящик, ревнивая ты и трусливая задница.

Я пригляделась. В полумраке, конечно, всё что угодно может показаться. Да, девушка из элитного подразделения девиц самой древней профессии, наверное, закалённая. Ей в ящик нырнуть – глазом не моргнуть.

В общем, эти два извращенца не поскупились. «Упаковка» для подарка сильно смахивала на гроб: полированное красное дерево (или очень искусная имитация), позолоченные финтифлюшки по периметру.

– А теперь внимание! Инструкция!

Оказывается, это ещё не всё. Гетера охотно поделилась со мной великими знаниями, как правильно дарить подарки

тридцатипятилетним богачам по версии его то ли друзей, то ли родственников.

– Они приведут твоего драгоценного сюда под конец вечера, так что можешь пить и веселиться до одиннадцати максимум. Сидеть в коробке весь вечер смысла нет. Перед тем как залезть внутрь, наденешь вот это, – указала она рукой на платье, что висело на стуле. Я с сомнением покосилась на кусок тряпки, чем-то напоминающую гольф, нежели платье. – Это – обязательное условие. В чём фишка толком не знаю, но заказчик постарше маниакально требовал подчиниться этому обязательному пункту. Да не пялься ты так, налезет. Жопка у тебя, конечно, больше моей, но не критично. Подумаешь, немного обтянет. Соблазнительнее будешь выглядеть.

Я настроена была не столь оптимистично, а поэтому пожелала всё же примерить это произведение искусства – обязательный атрибут шоу.

– Когда они его сюда приведут, заиграет музыка. Я так понимаю, вас здесь запрут. Клетка захлопнется. И ничего другого не останется, как заняться тем, для чего, собственно, вся эта ерунда и затевалась. Под музыку плавно выплывешь из ящика. Платье будет мерцать и светиться во тьме. Можешь изобразить движения из стриптиза, если умеешь. Не умеешь, просто виляй бёдрами и заманивай. Он будет поддавый, поэтому ты покажешься ему королевой красоты. Особенно с твоей задницей.

Далась ей моя задница. Вполне нормальная. Что за манера

обсуждать откровенно интимные части тела?

Я огляделась ещё раз вокруг. Ну, да. Возможно, это и была вип-комната. Сейчас она больше напоминала дискотечный зал с сексодромом посередине. Какие-то фонари по стенам, шары под потолком. Обстановка, больше подходящая космическому кораблю, особенно, если учитывать минимализм в обстановке: много пространства, минимум вещей.

Кровать, столик с напитками и фруктами, стул этот с платьем, в углу – мягкий уголок и гроб, чёрт его подери. С завитушками позолоченными. Формально – ящик, но, зуб даю: это старшенький постарался. Не может быть, чтобы без ассоциаций. Да вон по бокам ящика даже ручки имеются, как у скорбного предмета.

– Он хоть не захлопывается на замок? – спросила с подозрением и, содрогаясь, подошла, чтобы ладонью провести, удостовериться.

– Да нет там ничего, не трусь. Внутри ручка, снаружи ручка. Всё просто. На механизм бы и я не согласилась. А то заест в ненужный момент – и прощай, Вася. Так что можешь принимать хозяйство. Теперь это всё твоё. Абсолютно. В ящике посиди, привыкни, – хихикнула гетера.

– Спасибо, я без подготовки, – пробормотала под нос. – А платье, пожалуй, примерю.

Здесь имелась и уборная, и душевая кабина. Хорошие вип-комнаты премиум класса. Не удивлюсь, если траходром здесь на постоянной основе прописан. Премиум – это такой

класс. Уникальный.

Платье оказалось очень приятным на ощупь и по фигуре легло отлично, правда, если закрыть глаза на голое плечо, часть живота и ядовитый жёлто-зелёный цвет, который, видимо, и был задуман для того, чтобы глянул, замер, а очнулся уже в постели. То, что доктор прописал.

Судьба, ты молодец, тасуешь звёзды на небосклоне в мою пользу!

А дальше всё пошло, как надо.

Естественно, сидеть в ящике и ждать принца в подпитии я не стала. Вернулась в банкетный зал за свой столик, где мне достался вполне милый сосед и престарелая пара.

Гости постарше косились весь вечер, но вели вежливую беседу ни о чём, сосед представился Сергеем и весь вечер сыпал недвусмысленными намёками, которые я стойко игнорировала. Сдался ты мне, мужчина с глазами добермана. У меня планка повыше задрана. И я нет-нет да поглядывала на «кандидата в депутаты».

Скажу честно: я крепко и трезво стояла на ногах, когда согласилась на авантюру, к которой меня подтолкнули Розка и Элька. Никаких лишних иллюзий я не питала. Ложных, кстати, тоже.

Я прекрасно понимала: где я, а где этот кошелёк с деньгами в мужском костюме от Brioni. А ещё я осознавала, что на его месте мог быть и Элькин Аронович, и Веня Складовский. Просто Судьба ткнула пальцем в Павлика, и пусть он

радуется, что ему повезло. Никак иначе.

Недолгие размышления привели меня к следующим выводам: жизнь моя такова, что мужчины в неё не вписывались. Работа, работа, ещё раз работа.

Ладно. Перед собой я могу быть откровенной до конца. Пережив безумную любовь в глубокой молодости, я боялась. Избегала мужчин как источник глубоких потрясений. А вот ребёнок мне был нужен. И уж если рожать его, то от умного, состоявшегося мужчины, а не от первого встречного.

Те, кого мне предлагала Элька, как раз подходили под мои внутренние мерки: молодые здоровые, в чём-то гении, раз успели состояние заработать. А я проверила!

Самым слабым звеном, кстати, из них Веня оказался. Там больше семейные деньги, чем ум. А вот Павлик, несмотря на несколько подмоченный облик морале, всё сам, своим трудом. К тому же, здоровый способ жизни ведёт, спортом занимается. Поэтому выбором Судьбы я весьма довольна.

Пить я не стала, наедаться тоже. Но бокал шампанского для храбрости всё же шарахнула незадолго перед тем как. Мне ещё в гробу сидеть, – оправдывала я себя. О том, что будет после выхода из ящика с золотыми финтифлюшками, я старалась не думать. Как-то да сложится. Не совсем же я бревно, в конце концов. Отсутствие опыта компенсирую гибкостью и пылкостью.

Мне чудилось, что именинник тоже на меня поглядывает. Понятное дело, что я немного нервничала и фантазировала,

но когда он подошёл и пригласил меня на танец, внутри всё рухнуло и провалилось в такую пропасть, что я испугалась.

– Вы позволите? – протянул он мне ладонь.

И я вдруг разозлилась: какого чёрта? Он же бабник или куда? Естественно, он меня заметил и заинтересовался. Или как вежливый хозяин этого безобразия просто приглашает всех девушек потанцевать. Вон, я видела, он с дамой в матери мне годящейся недавно танцевал.

Павлик ни о чём не спрашивал, и это расслабило ещё больше. От него приятно пахло. И я вдруг подумала: мне будет легко сделать то, что я задумала. Он вполне нормально себя вёл, не прижимался всеми частями тела, как до этого делал поднадоевший за вечер «сосед по парте» Серёжа.

Павлик насколько раз сбивался с такта и пару раз наступил мне на ноги, но так мило и очаровательно улыбался, что ему хотелось всё простить заранее. Что там Элька говорила про грубую резкость? Не похож он на властную задницу, которая всех нагибает. Взгляд рассеянно-милый, ресницы, как у девочки. Вблизи миллионер Павлик Костров выглядел намного импозантнее своего фото из клиентской базы банка.

Мне даже немножко совестно стало, что я хочу его использовать как донора спермы. Самую капельку. Потому что рационалист и первопроходец во мне, который идёт к цели, ломая все преграды, победил. Я не из тех, кто отступает! Только вперёд!

Когда я выскользнула из миллионерских рук, Павлик на

какое-то время завис, словно задумался. А потом растерянно заозирался. Видимо, меня искал, но я предпочла скрыться. Мне сейчас не нужно, чтобы он на меня внимание обращал, запоминал, знакомился – лишнее это всё.

Я удрала. Надела дурацкое платье кислотного цвета,пустила волосы по плечам, чуть больше подвела карандашом глаза, губы поярче накрасила. Внимательно посмотрела на себя в зеркало.

Хорошо, что выкроила время и съездила в Турцию. Теперь моя загорелая кожа выгодно смотрелась во все открытые места на платье. Правда, будет полумрак, и вряд ли Павлик это оценит, но главное, чтобы я сама себе нравилась.

Чуть подумав, я всё же выпила ещё шампанского. Чтобы наверняка. И, выдохнув, нырнула в ящик. Теперь главное дождаться и не уснуть.

Глава 5

День рождения олигарха. Развязка

Юля

«Гроб» внутри удивил: стены мягкие, циркуляция воздуха есть и даже подсветка. Но двери я плотно всё же закрывать не стала. Мало ли. К тому же, мне нужно было хоть одним глазиком, но наблюдать за обстановкой снаружи.

Я слегка успела заскучать, пока ждала своего звёздного часа. Но шампанское во мне бродило, нервишки пошаливали (а как же!) и подумалось: а вдруг он не пойдёт? Не поведётся? А я тут сижу, вся такая красивая, жду?

И ещё в голову пришло: а вдруг Тенор и Баритон обнаружат замену? Я даже не придумала, что врать, если всё пойдёт не по плану.

Впрочем, я волновалась и накручивала себя зря. В какой-то момент дверь распахнулась и Тенор, раскатисто картая, гаркнул:

– Сюр-р-рпр-р-риз!

Вот зря он это сделал! Мне тут же захотелось ржать. Дико и необузданно. Поэтому пришлось напрячься, чтобы раньше времени не издать ни звука. От натуги лицо опалило жаром. От этого смеяться захотелось ещё больше, но в это время раздался грохот, щелчок дверного замка, и в воздухе поплыла музыка. Медленно-космическая, под стать этой орбиталь-

ной станции с траходромом посередине.

Я поняла: вот он, мой звёздный час! Пора медленно открыть дверцу «гроба» и выплыть под чарующие звуки. Желательно так же эффектно.

И я сделала это. Медленно. Шагнула, как Афродита, из пены морской.

В комнате царил полумрак. Тускло мигали крохотные светильники, вмонтированные в стены, отчего обстановка стала ещё больше похожа на космический корабль.

Я вильнула бёдрами и вдруг поняла: что-то не так. Не вижу объекта своей предстоящей страсти. И тут платье начало мерцать, светиться, ёлки-палки, во тьме, как новогодний шар с подсветкой. Я икнула. Допиться я не могла. Что за хрень творится?

Вдруг чья-то горячая ладонь ухватила меня за лодыжку. И я подпрыгнула. Хотела то ли взвизгнуть, то ли закричать, но из горла вырвался сорванный сип.

– Замечательно, – произнёс голос во тьме. – Великолепно. Прошу вас, не шевелитесь.

И я замерла. Судя по всему, это мой Павлик. На полу почему-то. Так и подмывало спросить: «А что ты здесь делаешь?», но я сдержалась.

Рука с лодыжки переместилась на икру, погладила её похозяйски, и я снова запаниковала. У меня не было секса... я лихорадочно попыталась сложить цифры в уме. Потом плюнула и начала загибать пальцы. Ой, нет. Такое лучше даже в

уме не произносить.

Если совсем кратко, то много. Я только сейчас поняла: а вдруг не смогу? Забылось и вообще? Опыта у меня – тот самый возлюбленный, он же первый и единственный. До сегодня. А тут я вся такая прекрасная. И миллионер Костров у моих ног. Бежать. Срочно бежать! Мозг накрыло паникой.

– Всё так, как я и думал, – бормотал тем временем Павлик. Он уже поднялся на ноги и водил руками по моему телу. О, Боже! – Какая фактура, как мерцает.

И тут до меня дошло. Он что, платье щупает? Не меня? Если я и до этого стояла «смирно», как приказали, то сейчас и вовсе одеревенела и дышать боялась. Бревно с глазами – хлоп-хлоп.

Кажется, кто-то зря паниковал и боялся. Миллионеру Павлику платье больше интересно, нежели я в платье. Обидно!

Пока я предавалась унынию и придумывала, как бы уязвить этого фетишиста, Павлик вдруг замер и жадно втянул носом воздух.

– Удивительно, – шумно выдохнул он и запустил руки в мои волосы. Прошёлся большими пальцами по моим скулам, дотронулся до губ.

А потом он склонился и поцеловал меня. Без предисловий и разговоров. На мгновение я почувствовала себя резиновой куклой. Как эти гетеры терпят подобное? Словно к вещи отношение. Никаких тебе прелюдий!

Но это был короткий миг. Ибо то, что произошло дальше, не иначе как умопомрачением я назвать не могу.

Он целовался... слова подобрать сложно. Как будто в последний раз. Пылко, страстно, неистово и очень умело. Естественно, сравнивать мне особо было не с кем, но то, что вот так – впервые – без вариантов.

Костров не спешил. Получал удовольствие от поцелуя. Руки его не шарили лихорадочно по телу, как это показывают в дешёвых мелодрамах. Его ладони бережно держали моё лицо. Пальцы слегка зарывались в волосы, а я в какой-то момент перестала думать.

Будто Павлик взял, щёлкнул пальцами – и мыслительная функция у меня отключилась.

Я сама к нему потянулась. Тоже зарылась пальцами в шелюру, прикоснулась грудью к миллионерской груди. Огненный шар из башки шарахнул вниз. Да так, что я на миг ослепла и испугалась. Так бывает? А я не знала!

Он оторвался от моих губ и, чуть отстранившись, словно любовался. Руки его плавно переместились на плечи, поглаживали деликатно. Особенно та, что касалась платья. По голой коже он так не водил смело. Слева его рука просто обжигала, но действовать не спешила.

Платье светилось в полутьме. Отстранённо подумала: в подобном свете я, наверное, зелёная, как инопланетянка или гоблинша. Но Кострову, кажется, всё нравилось. В полутьме сложно было разглядеть эмоции на его лице, но то,

что он улыбался и глаза у него светились бархатно, обволакивающе, – и без яркого света видно.

– Ты мой подарок? – уточнил он хрипло.

– Твой, – улыбнулась в ответ и потянула его за галстук.

Не знаю, откуда во мне столько наглости взялось.

– Тогда не спеши. Я сам.

О, боги! Если бы я ещё знала, что делать! Но «сам» – это выход. Доминирование, правда, и у меня присутствует, но в вопросах интима я проигрывала по всем фронтам, поэтому решила подчиниться.

– Потанцуем? – спросил этот невыносимо загадочный мужчина и тут же повёл меня в танце.

Не знаю, в чём магия. Он так же делал это не очень уверенно, как и в банкетном зале. Правда, на ноги старался не наступать, но его запах и жар от тела, а ещё полумрак взвинтили меня до небес – мне хотелось выпрыгнуть не только из платья, а и из собственной кожи.

Его дыхание шевелило волосы. Губы его касались то виска, то щеки, то подбородка, то шеи. А вот местечко за ухом – вообще получился запрещённый приём! И всё это ненавязчиво, почти бесконтактно, но будоражаще и остро.

Я и сама не поняла, в какой момент просто повисла у него в руках. Было стыдно, но я возбудилась. До искр в башке, до звёздочек перед глазами. Я ощущала себя Телом. Одной большой эрогенной зоной. Казалось, куда бы он ни коснулся губами или руками – я загоралась почище этого светящегося

платья, которое Костров, кстати, не спешил с меня стягивать.

Это шампанское. Точно. Других объяснений нет. Я всегда пью умеренно, а тут два бокала почти на голодный желудок. Вот меня и прёт. Как бы там ни было, соображала я плохо. Даже не поняла, когда мы из танца на сексодром переместились. Но, как и до этого, Павлик лидировал. Вёл за собой, а я подчинялась.

Я заранее всё продумала и просчитала. У меня в сумочке – презервативы с сюрпризом. Я старательно в них дырочки сделала, чтобы получить то, за чем пришла в идеальный для зачатия период. Но Судьба всё переиначила.

В какой-то момент тягуче-медлительный Павлик исчез. Ураган. Торнадо. Стихийное бедствие – его второе имя. Эти поцелуи, как в последний раз, это его неистовство, как грозовой шторм.

Он... был прекрасен. И платье с меня стянул за две секунды, и всё, что под ним. А потом... помешательство. Обойдное. Уже не понятно было, кто тут главный. Я от себя подобного не ожидала. В самом прекрасном сне не могло присниться, что я могу быть такой. Раскованной. Лёгкой. Смелой.

Ни он, ни я не вспомнили о презервативах. Было не до того, честно.

Мы словно дорвались. Как оголтелые, потерявшие голову подростки.

Ну, я ладно. Почти девственница, можно сказать. Но он?..

Этот бабник по версии Эльки? Хотя если он такой со всеми, не мудрено, что его любят женщины. Да после такого можно голову потерять. Что я и сделала, когда сошла с ума окончательно и поймала радугу чувственного экстаза.

Я кричала. О, как я кричала... Радостно, освобождённо, с наслаждением. А потом и Павлик, застонав, догнал меня. Сжал в объятиях, сковывая своим телом.

Не знаю, сколько мы пролежали, не шевелясь, приклеенные друг к другу. Я приходила в себя, а он... расслабился.

– Не уходи, пожалуйста, – пробормотал он и... вырубился. Провалился в сон.

Я полежала ещё несколько минут. Не хотелось уходить. Но отрезвляющая действительность навалилась, как космический потолок.

– Прости, – с нежностью поправила ему волосы, что упали на лоб, и осторожно выскользнула из Костровских объятий.

Собиралась быстро, словно я воришка и что-то украла. Хотя да. Украла. Взяла без спросу. Но ведь и он сам дал – возражала вернувшаяся логика. Так что всё честно почти.

Трусы свои я так и не нашла. Зато в последний момент прихватила ядовито-кислотное платье. На память. Кажется, я заслужила эту малость – сохранить воспоминания о вечере. Вряд ли оно кому-нибудь понадобится после того, как его кто-то уже надевал, – трезво рассудила я и, крадучись, ушла через чёрный ход.

В такси я чуть не расплакалась. А вдруг ничего не полу-

чилось? – билась в голове мысль. Как, как потом сделать это ещё раз? Но уставший мозг, еле-еле вылезший из обморока, отказывался подкидывать хорошие идеи.

«Надо решать проблемы по мере их появления», – нередко говорила Розка. А я подругам верю. Поэтому мучиться и терзаться перестала.

У меня всё получилось. Правда, я не испытывала ликования, но и это всё пройдёт, как говорил мудрый Соломон.

Глава 6

Перед затяжным прыжком не забудьте взять парашют

Юля

Я собирала себя по частям, как разбитую чашку.

Я проживала дни, как солдат, что считает часы до дембеля.

Каким-то невесёлым и тяжёлым казалось каждое утро, но я заставляла себя вставать, улыбаться и делать вид, что ничего не изменилось.

– Ну как? – первым делом после дня рождения господина Кострова позвонила мне Элька.

Это не праздный интерес и не желание сунуть нос в мои дела. Подруга волновалась. Еле до утра утерпела.

– Всё замечательно, – жизнерадостно тянула я улыбку, хотя знала, что по телефону Элька всё равно не может видеть моё лицо. – Только давай без подробностей, а?

– Ты его зацепила? Вы познакомились? А встретиться договорились?

Элька ещё не теряла надежды выдать меня удачно замуж. А что я могла ей ответить? Что переспала с Павликом и удрала? Да она меня в порошок сотрёт!

К вечеру явилась немножко беременная Розка. Той достаточно было посмотреть на меня, чтобы всё понять.

– Ну и? – приподняла она смоляную бровь. – Как дето-производительный процесс?

Я густо покраснела и попыталась спрятать глаза.

– Всё с тобой ясно, – вздохнула тяжело подруга детства. – Он хоть в постели хорош?

Я покраснела ещё гуще, но кивать не стала. Обойдётся. Это моя личная жизнь, нечего в неё лезть, когда не просят. Вон, Элька не стала, вздохнула лишь тяжело, когда я заявила, что не хочу обсуждать день рождения господина Кострова.

– Учти: скоро тридцатник тебе стукнет, а ты бегаешь, как борзая собака. А потом будешь самая старая мать среди красивых и молодых девчонок. Приходишь на собрание в школу, а на тебя как на бабушку престарелую смотрят.

В общем, Розка на меня нападала, я отмалчивалась. Что я расскажу подругам, если сама толком ничего не понимала? Не могла же я им поведать, как стала подарком на ночь от Тенора и Баритона? Что сама записала себя в женщины лёгкого поведения и теперь назад хода нет?

Миллионеры с такими иногда спят, но никогда не женятся. Да и я вряд ли подхожу на роль супруги олигарха.

Розка когда поняла, что с меня толку, как с козла молока, свернула бодрую деятельность трубочкой и сказала:

– В общем, подождём. А дальше будет видно.

И я погрузилась в работу, благо её всегда много.

Погрузиться погрузилась, а радости, как раньше, не испытывала. Меня словно отравили на Павликовом дне рож-

дении. Будто кто-то невидимый взял и провёл черту между моей прошлой жизнью и теперешней.

Нет, я не тянула уныло лямку, не ждала, как многие, конца рабочего дня, чтобы вздохнуть свободно, но кураж ушёл, азарт превратился в какую-то болезненную одержимость.

– Юлия Сергеевна, вы какая-то в последнее время рассеянная, – хмурился недовольно наш Вадик – Вадим Александрович Горский, директор нашей компании. Он и так всем недовольный, а тут ещё и я охромела на обе ноги и стала ему под стать – неразговорчивой надутый гусыней.

У нас с ним негласная конкуренция, больше похожая на холодную, но вежливую войну.

В тяжёлые времена я приобрела пакет акций и стала со-владелицей «Солнечного компаса» – компании, предоставляющей услуги туроператора.

Я мечтала однажды стать её владелицей. Он спал и видел, как бы не дать мне встать во главе, но в общем целом мы работали на результат, а поэтому балансировали на грани и не позволяли скатиться к открытой конфронтации.

– Не дождётесь, – лучезарно улыбалась я ему и продолжала плыть по течению реки, что враз вышла из берегов и засасывала меня в какой-то мутный водоворот.

А по вечерам, возвращаясь домой, я отключала телефон, закрывала двери в спальню, словно мог меня кто-то увидеть в пустой квартире, где я проживала совершенно одна, доставала свой трофей – ядовито-зелёное платье, клала его рядом

с собой и смотрела в потолок.

По вечерам я грезила о счастье. Простом и очень женском. Я всё же девочка, а девочкам положено иметь слабости. Мечтать уж мне никто не запретит!

Так пролетел, кажется, месяц. Или около того. Я замоталась, забегалась, и на очередную встречу с подругами не летела, как обычно, а приползла улиткой.

– Что-то ты мне не нравишься, – морщила нос Элька. Сегодня она – о, чудо! – пришла вовремя. И вообще выглядела лучше. Может, с Пупсиком своим помирилась?

– Да так, – махнула я рукой, – по работе забегалась, устала, как собака. Вадик снова доставал, – пожаловалась с тоской. Подруги знали о нашем затяжном конфликте интересов.

– А тест, тест покупала? – подпрыгнула на стуле Розка.

Я посмотрела на неё ошалелыми глазами. Какие тесты? Мне хватает квестов по работе. И тут до меня дошло. Точно.

– Да я как-то того... – промямлила, пытаюсь вспомнить, когда должны прийти гости под красным флагом.

– Ты иногда как ребёнок, – тяжело вздохнула Розка и, порывшись в сумке, достала три коробочки с тестами. – Тадам! А я знала! Поэтому запаслась для лучшей подруги!

– Ты предлагаешь прямшас? – хихикнула я, но по тому, как две пары глаз уставились на меня, поняла, что эту битву мне не выиграть.

– Ведь у нас задержечка, правда? – пела сладеньким голосом Розка. – У нас цвет лица изменился, вкусовые пред-

почтения тоже, – сюсюкала противно она, кивая на стакан с соком.

А я просто так. Без задней мысли. Что-то меня на вино после Павлика и не тянет. Побаиваюсь я, как бы с катушек не слететь. Да и некогда было, весь месяц как в аду.

Розка по столу подвинула мне тест пальчиком, и я уставилась на него со страхом. Да, когда на день рождения к Павлику шла, хотела и мечтала. А сейчас струхнула, как заяц. И не знаю даже, чего боялась больше: двух полосок или их отсутствия.

– Иди уже, Юль, – вздохнула Элька. – Роза не отстанет. Да и, если честно, пора уже узнать, что к чему и что будем дальше делать.

И я взяла коробку в руки. Повертела её. И отправилась в дамскую комнату.

К слову, в этом ресторане уборные похожи на операционные: стерильная чистота, белый кафель – глазам больно.

– Всё ерунда. Я не боюсь, – произнесла вслух и сделала всё строго по инструкции. Впервые в жизни.

Тест явно обрадовался моему вмешательству в его личное пространство. Я глазом моргнуть не успела, как две полоски выпрыгнули с белого теста.

– Павлик, ты снайпер, – пробормотала я. – Инопланетянин с генами великого оплодотворителя. Спасибо тебе за всё!

И сразу настроение резко пошло вверх. И чего, спраши-

вается, я боялась? Жизнь прекрасна, восхитительна, замечательна и вообще похожа на воздушную сладкую вату!

К подругам я не шла, а плыла, летела, едва касаясь ногами пола.

– Ну? – Розка должна услышать. Ей моего сияющего вида мало.

– Мы беременны! – подмигнула я им заговорщицки и торжественно выпила свой стакан сока до дна.

Глава 7

Непредвиденные обстоятельства

Юля

Розка взяла надо мной шефство. Придавила авторитетом.

– У меня всё же опыт. А ты ещё зелёная и бестолковая.

Поэтому слушайся, и всё у нас будет замечательно!

Она сияла и радовалась, словно это не я залетела, а она в очередной раз. Развернула такую бурную деятельность, что даже Элька ей сказала:

– Ты бы не так напирала, что ли. Можно подумать, цель женщины в жизни – размножиться.

– Да! Я так считаю! – сжимала она пухлые губы и сверкала глазами. – И ты это поймёшь, когда с тобой случится чудо! А пока побегай, подумай. А то с Пупсиком никак не разберёшься, вот тебя и шатает со стороны в сторону.

– А я его выгнала, – заявила Элька, и мы немного даже о том, что беременны забыли.

Элька и выгнала? Пупса своего ненаглядного? Нет, у них давно не так всё гладко, конечно, но они без конца сходились, так что в окончательное расставание мы не особо верили.

– Я его с другой бабой застукала, – призналась она со вздохом. – Мало ему меня, видите ли. Точнее, не мало, а, – пощёлкала она пальцами, подбирая нужное слово, – новизны

не хватает, остроты ощущений, чувства полёта, когда женщина вдохновляет на подвиги и безумства!

– Вилки ему в задницы не хватает и ножа в печени, – проворчала Розка. – Ну и плюнь. Пусть валит за облака. Эдак ему постоянно нужна будет свежая муза, а сам он не талант далеко и не Аллен Делон. Мы тебе такого красавца найдём – закачаешься. Или ну их, красавцев. Надёжного, как китайская стена! Нерушимого, как ода Верности!

Если Розка входила в раж, лучше отползти подальше и прикрыть голову лапой. Достанет всех, за ухо вытянет и на солнышке сушиться положит.

– Ладно. Будем жить, – ещё раз вздохнула Элька и заказала вина. У нас теперь одна она пьющая осталась. А мы как алкоголички закончились. Мы с Розкой теперь ждём ребёнка.

– На работе не перетруждаться, всех слать лесом, не нервничать, налегать на фрукты и растить плод страсти, – натаскивала она меня как опытный тренер. – А пока ты слепой котёнок, я о тебе позабочусь. Запишу к своему гинекологу – лучшая, между прочим, из лучших! Моей свекрови подруга, опыт работы – двадцать лет в репродуктивном центре, где она творит чудеса. У неё даже засохшие баобабы беременеют! Тест тестом, а хороший врач должен нам подтвердить и выдать дальнейшие инструкции.

Нинель Акимовна оказалась дамой во всех отношениях приятной, моложавой, с модной стрижкой и отличным ма-

кияжем.

– Поздравляю, вы беременны, – сказала она после осмотра. – Прекрасные анализы, замечательный возраст для деторождения. Можете обрадовать мужа.

– У меня нет мужа, – ответила честно, – но рожать я буду.

– Тоже правильно, – кивнула она в ответ и назначила следующую встречу.

– Как ты себя чувствуешь? – названивала Розка каждое утро. Этот вопрос у неё вместо «здрасьте» звучал надоедливym рингтоном.

– Как космонавт, – отвечала бодро, хотя всё чаще меня раздражали всякие мелочи.

– Уже становишься похожа на неповоротливого медведя в скафандре? – хихикала подруга детства.

– Нет, по-прежнему стройна как лань, давление 120/80, вестибулярный аппарат сбои не даёт.

– Тогда не выходи в безвоздушное пространство, а то укачает, – Розка иногда любит показать, что она умная, красивая девушка с высшим образованием.

Так я протянула ещё пару недель, а потом шарахнуло так, что на ногах устоять оказалось сложно.

– Зайди ко мне, – властно кивает на свой кабинет Вадик Александрович.

Я вообще-то домой собралась, хотела побездельничать. Еды купить, чтобы не готовить, включить космическую му-

зыку, достать трофейное платье, помечтать, а потом уснуть. В последнее время в сон тянуло так, что с трудом удавалось удерживать веки, что норовили – хлоп! – и прикрыть лавочку.

Скоро я буду кричать как Вий: «Поднимите мне веки!», но пока удавалось кое-как справляться с маленькой слабостью.

Что на этот раз ввело в уныние Горского? Судя по лицу, ему отдавили ноги, фаберже, а заодно и зубы посчитали.

К слову, он не плох. Импозантный, всегда одет с иголочки, за фигурой следит, шевелюра романтическая – волосы назад, виски чуть сединой припорошены. Вадику слегка за сорок, он трижды женился, и все разы были неудачными.

Точнее, видимо, невесты ожидали от Вадюхи чего-то большего, но Вадичек таков, что у него достоинства – микроскопические. Как говорят: в наличии имеются, а разглядеть весьма сложно. Зато главный недостаток раздут до неприличных размеров: Вадя Александрович паталогически жаден, но при должных усилиях вполне способен это скрывать. Умом его природа не обделила – и на том спасибо. На всё остальное можно закрывать глаза, когда контактируешь только по работе.

– Садись, Юль, – указывает он рукой на кресло перед его необъятным столом. И то, что он ко мне на «ты» и без отчества, настораживает. Вадя фамильярничает в двух случаях: выпил или хочет сообщить пренеприятнейшую новость.

То, что он не пил, – точно. И это плохо, потому что я уже

напряглась в ожидании волны, что накроет с головой. Но даже моя буйная фантазия не могла представить то, чем меня приложил Горский.

– Я с женой развожусь, – сказал он почти по-человечески. Последняя его супруга слыла дамой чересчур крутого нрава. Красивая, но стерва. Но, может, Вадя её и заслужил за все свои прегрешения и скупость.

– Поздравляю, – брякнула я. – То есть сочувствую.

Горский махнул рукой.

– Не старайся. Всё и так ясно. Я снова ошибся, но на ошибках учатся.

Ну да, в третий раз – самое оно. Очень сильная наука, но Ваде вряд ли поможет. Разве что найдёт какую-то альтруистку-козу, что будет бегать через мосточек и питаться кленовым листочком, занашивать одежду до дыр и скромно по большим праздникам клянчить деньги у Вади на нижнее бельё взамен износившегося.

– В общем, дело обстоит так, – вывел он меня из задумчивости и образа вечно голодной девы с постным выражением лица, – ты спала и видела заполучить «Солнечный компас». Бери и владей.

Я чуть с кресла не упала. Он что, понял и перевоспитался? Невероятная щедрость! В груди вспыхнул свет, я почти ушла в нирвану от счастья, когда Горский меня охладил. Нет, не так. Схватил за шкурку с небес и хрясь об асфальт! А сверху ещё и катком проехался для верности.

– Контрольный пакет акций твой, но не даром, конечно. Мне очень нужны деньги, Ефимова.

И озвучил такую сумму, что я чуть во второй раз с кресла не свалилась.

– Горский, а у тебя температура случайно не поднялась? – поинтересовалась, когда удалось собрать мозги, слова и эмоции в одну кучку.

Я хотела сказать, конечно: «А ты не охренел часом?», но вовремя сдержалась. Я очень деловая бизнес-вумен, ушлая и тёртая. Прекрасно знаю, что язык часто не просто враг, а разрушитель надежд.

– Всё у меня прекрасно со здоровьем, – отрезал жёстко он и закончил мысль. – Я должен знать. Да или нет. Ты хотела, тебе предлагаю первой. Нет – я найду, кому эти акции придутся по душе.

В груди kloкотал вулкан. Ещё немного – и я Горского испепелю.

Я понимала: это гормоны шалют. Надо успокоиться.

Я расслабилась, насколько смогла. Даже ногу за ногу заложила, на спинку кресла откинулась. Глубоко вдохнула и выдохнула.

– Ты же тряся над своим бизнесом, шагу не давал ступить, а сейчас бросаешь всё? Это не шутки, Вадим Александрович?

– Я всё взвесил и решил, – пожал он плечами и расслабил узел галстука. – Устал. Хочу покоя, домик возле моря, где

золотой песок. А там, глядишь, и жизнь наладится. У меня крутой поворот сюжета в жизни, понятно?

Не очень, но пока он в подобной решимости, грех не воспользоваться его очень щедрым предложением. Вот как всё хорошо складывается. Просто как по маслу. Хотела ребёнка – пожалуйста. Мечтала о «Солнечном компасе» – лови свой шанс.

Всё хорошо. За исключением малюсенького нюансика: денег у меня не было. Ни сколько Вадюха запросил, ни даже в половину меньше.

Я в бизнес вложила. В очень перспективное направление. – У меня есть время подумать? – спросила и испугалась – так хрипло звучал мой голос.

– Подумай, Юль, подумай, но недолго. Да или нет. А уж потом будем договариваться по срокам. Даю тебе десять дней.

Это очень щедро. Вадюха чувствует наживу. И при всей своей жадности детище в чужие руки отдавать ему не хочется.

А я... а мне нужно подумать, где взять деньги. Или распрощаться с мечтой. Вряд ли ещё мне выпадет подобный шанс.

Глава 8

Выход есть всегда. Даже если тебя съели

Юля

– Что стряслось? – вопрошает Розка и выразительно на меня поглядывает.

Они с Элькой прилетели, как только я их вызвала «на совещание». Собрались у меня дома. Ещё не ночь, на столе – ужин на троих. Легкий и диетический, всем угодила, но подругам сейчас не до еды. Они понимают: раз выдернула, попросила приехать, что-то стряслось ужасное или глобальное. Катастрофа, например, приключилась.

Тянуть смысла нет. Какой салат, когда гложет неизвестность? И я, вздыхая, а постепенно и хлюпая носом, рассказываю о предложении Вадика Александровича.

– Да гад он, а не Вадик, – сердится скорая на расправу Розка. – Лопнет от жадности.

Элька морщится и трёт переносицу.

– Ты же знаешь, что ни один банк тебе не даст займ?

Могла бы и не говорить. Знаю, конечно. Потому что уже брала и прилично. А Вадика нужно отдать не сто тысяч.

– Поэтому я вас и пригласила, – шумно сморкаюсь в бумажное полотенце. Плакать хочется долго и с наслаждением, подвывая и причитая. – Поплакаться. Поделиться горем.

– Тьфу на тебя! – сердится Розка. – Это не горе, а так, вре-

менные неприятности. Надо поесть, а там, глядишь, мысли нужные в голову лягут. А пока пусть твоему Горскому идётся хорошо.

Горскому, наверное, плевать. Он скоро будет свободный, счастливый, с деньгами. И он их найдёт, если захочет.

Розка набрасывается на салат, словно это её личный враг. Элька гоняет капусту по тарелке и думает. Я просто ем. Во мне малыш растёт. Ему витамины нужны и спокойствие. Если первым я его обеспечить могу, то со вторым пока напряжёнка.

– Мне Нинель звонила, – вспоминает Розка. – Ты пропустила приём!

А, да. Пропустила. Как-то не до этого было, а чувствую себя я прекрасно. Я ей об этом сказала. Она мне тоже звонила.

Розка качает головой.

– Надо привыкать, Юль. И всё, что связано с малышом, ставить на первое место. Менять приоритеты, понимаешь? Может, оно и к лучшему? С «Компасом» вашим? Работа не предполагает спокойствия, а тебе оно необходимо. Стрессы эти ещё.

Элька наконец откладывает вилку. Лицо у неё решительное.

– А почему бы тебе не обратиться к отцу твоего ребёнка? – спрашивает она, глядя мне в глаза.

Я даже замерла, не донеся вилку до рта. Жевать перестала.

Розка в очередной раз встрепенулась, показала Эльке большой палец, мол, одобряю, и уставилась с надеждой на меня.

– Да нет. Бред. Исключено. И что я ему скажу? Помнишь, день рождения и гетеру? Так вот я она и есть, дай денег, потому что я хочу стать владелицей компании?

– Какую гетеру? – тут же настораживается Розка. Она у нас любительница острые моменты ловить.

Приходится им в общих чертах рассказывать подробности незабываемого вечера.

– Всё равно это ничего не меняет. Ты самое главное забыла, – у Эльки отвратительно спокойный голос. А Розка в кое-веки кивает каждому её слову, мол, всецело поддерживаю и одобряю. – Он отец твоего ребёнка. А ты даже в мыслях этого не допускаешь.

– Нет. Я не сделаю этого. Ни за что, – бормочу я и запикиваю в себя еду. Прожорливый пылесос – вот кто я сейчас. А подруги – ярые авантюристки. Правда, только благодаря им я забеременела, но это нюанс. А теперь они хотят, чтобы я к Кострову пошла. – Нет, нет, и ещё раз нет!

Они мне на нервы действуют. Сидят как два суриката и молчат. Смотрят лишь выразительно-выразительно, как девочки, что со стула стихи прочитали, а теперь ждут конфетку. Сладкое для фигур вредно, между прочим. И почему опять я?

– Ты компанию хочешь? – вкрадчиво начинает Розка.

– Да, но просить деньги не пойду. Это мерзко и низко!

– А в постель ложиться с Костровым было приятно и высоко, – дёргает бровями Элька. И она не смеётся, между прочим. Язвит с очень серьёзным видом.

– Ладно! – хлопнула в ладоши Розка, – Утро вечера мудренее. Ты подумай. А там мало ли. Мысль какая нормальная в голову придёт. Может, вспомнишь о спонсоре-воздыхателе. У тебя же имелись там в наличии денежные мешки, равнодушные к твоим прелестям?

Я даже зависла. Нет, ну, что-то было, конечно. Но я ещё не совсем до ручки докатилась, чтобы себя продавать. Потому что альтруистов точка нет. Все хотят какую-то выгоду. И я не уверена, что готова на всё ради акций. Хотя близка к этому, что уж лукавить.

– Давай чай и пироженки, – командует Розка. – Я знаю, что ты не удержалась и купила нам сладенькое. Самое то – заесть неприятности. А завтра освободи время, я за тобой заеду в девять, повезу тебя к Нинель. Ты ж опять забудешь. Шефство над тобой возьму, пока ты безответственная трудоголичка.

Если бы я только знала, как права Розка! Правда жизни оказалась куда сильнее наших планов!

Розка забрала меня с работы. Выдернула, как морковку с грядки.

– Нужно наблюдаться, – заявила она, усаживая меня в машину, – а то мало ли. Ты у нас девушка взрослая, уже не

юная.

Я смотрю на неё пронзительно, и Розка спешит добавить:

– У меня уже двое детей! А ты первый раз как в первый класс!

Меня разговоры о возрасте не трогают. Я не Элька, для которой тридцать – чуть ли не катастрофа всей её жизни. А мне всё равно. Выгляжу я отлично, за собой слежу, взгляды мужчин останавливаю, на здоровье не жалуюсь.

Нинель Акимовна смотрела строго. В какой-то момент я поняла, что побаиваюсь эту вроде бы милую женщину со взглядом-скальпелем.

– Давайте договоримся, Юлия, – сказала она мягко, но мороз по коже проскакал от её душевной твёрдости, – вы не будете пренебрегать ни своим здоровьем, ни здоровьем ребёнка. Точнее, детей. Вы ведь не передумали и собираетесь рожать?

Я кивнула, не понимая, куда она ведёт. Но испугалась до белых точек перед глазами.

– Это просто чудо, что вы себя чувствуете прекрасно, а чудеса нужно ценить и оберегать. Никаких стрессов, лишних волнений. Забудьте о прежнем ритме жизни. Я знаю, что вы деловая женщина, вам нравится много работать. Но вам придётся придерживаться режима и снизить нагрузки. При многоплодной беременности и так организм испытывает определённый стресс, потому что работает в два раза интенсивнее.

Она сказала – многоплодная? Я вдруг почувствовала, что

ещё немного, и свалюсь с кушетки. Или на кушетку брякнусь. Я даже покачнулась. Никогда не падала в обмороки, но в этот миг была к этому как никогда близка.

— Вам плохо? — режет меня взглядом-скальпелем милейшая Нинель Акимовна.

— Нет, мне хорошо. Хо-ро-шо, — протолкнула я по пересохшему горлу слова, пытаюсь успокоиться. — Простите, я правильно поняла? У меня там, — я положила руку на живот, — не один ребёнок?

— Всё верно. В прошлый раз я не стала вам говорить, потому что картина была не совсем ясна. Зато теперь уверена.

— Близнецы, — потрясённо выдохнула я и снова накрыла живот руками.

— Совершенно верно. И поэтому давайте договоримся: вы очень серьёзно будете относиться к нашим встречам.

Ну, Павлик! Вот это подстава! Постарался изо всех сил!

Из кабинета я выползла. Еле ноги переставляла. Видимо, лицо у меня было соответствующее, потому что Розка забеспокоилась, засуетилась, не знала, с какого бока ко мне подойти.

— Водички? Тошнит? Что? — выпытывала она, а я не могла её успокоить. У меня горло заклинило. Ни туда и ни сюда. Я только глотала судорожно и, наверное, улыбалась неестественно.

— Близнецы, — наконец-то удалось сказать самое важное

слово, а потом плотину прорвало: – у меня там близнецы, Роз. Двое, представляешь?

Розку тоже проняло. У неё глаза на пол-лица и рот буквой «о» раскрыт.

– И что теперь? – спросила она. Пискнула, как мышонок.

А меня в одну секунду отпустило. Стало легко.

– Ну, это же ничего не меняет, правда? – пожала я плечами. – Будем рожать двоих. То пусто, то густо. Планы не меняем, но корректируем. Поехали домой. Возьму внеплановый выходной. Мне нужно подумать.

Глава 9

И снова здравствуйте!

Юля

Под вечер вначале материализовалась Элька на моём пороге, а чуть позже подкатила Розка. Подруги, судя по всему, решили меня достать, взять измором, извести на корню, как сорняк, что нарушал гармонию их идеального цветника.

– Ты как хочешь, а я чувствую себя и ответственной, и виноватой, – стукнула ладонью по кухонной столешнице Элька.

Она у нас красотка. Глаза синие, волосы тёмные, солнце её любит: как только начинает припекать, Элиза наша тут же шоколадным заггаром покрывается. Изумительной красоты бархатная кожа. А когда она вот такая решительная, любоваться Элькой хочется втройне. И я до сих пор понять не могу, какого рожна нужно её Пупсику.

– Ты зачем ей всё рассказала? – наезжаю я на подругу детства. Розка виновато прячет глаза.

– Мы ж вместе, мы ж подруги, – мумукает она, – мы ж тебя любим и переживаем.

– Поэтому решили доставать и не давать дышать? Я беременная, между прочим. Двойней. Мне врач приписал спокойствие и только спокойствие. Я должна в Карлсона превратиться, пропеллером махать и радоваться. Вместо этого мы тут каждый день заседаем и переливаем из пустого в по-

рожнее, заламывая руки.

– Ты как хочешь, – гнёт своё Элька, – а это я, можно сказать, собственными руками подсунула тебе этого хама и бабника. И почему только сразу не отговорила? Лучше бы Аронович или Веня Складовский. Или ещё кого выбрали. Нет же, Костров! – потрясла она кулаком и просверлила во мне две дырки синюющими глазами.

– Тебе не кажется, что я взрослая? – вздохнула и поставила чайник на плиту. В доме – шаром покати. Готовить я не любила, питалась в основном не домашней пищей, хоть и старалась делать это качественно.

Подруги засуетились. Оказывается, они не с пустыми руками пришли, а я и не заметила. Смотрю не пойми куда.

– Домашнее! – похвасталась хозяйственная Роза. Элька тоже не ударила лицом в грязь. Молодцы, всё успевают, а если учесть, что у Розы третий на подходе, так вообще нужно медаль, орден, поклоны до земли бить. Впрочем, её Веткин недалеко от этого ушёл. Вот уж где любовь и взаимопонимание.

– Ты очень чуткая и ранимая, – польстила мне Элька. – И вообще. Тебе не кажется, что Костров как бы имеет право знать, что станет отцом?

Да. Этический момент. С другой стороны, Элька права. Вот если бы он воспользовался моими сюрпризными презервативами, то налицо подстава и обман. А так как у нас резьбу сорвало у обоих, то вина за близнецов обоюдная. И мне

бы не понравилось, если бы мне не рассказали или хотя бы в известность не поставили.

– И что ты предлагаешь? – задаю самый дурацкий вопрос в мире.

– Предлагаю рассказать Кострову о грядущем отцовстве.

По тому, как кивает каждому Элькиному слову Розка, я понимаю, что они это обговорили, а теперь припёрлись с котлетками по-домашнему и салатом оливье без майонеза (вредно!) обрабатывать меня, как фрезерный станок – деталь.

– Ладно, – соглашаюсь я, и они смотрят на меня с подозрением. Им не нравится, что я так быстро согласилась. Чувствуют подвох.

Собственно, я и соглашаюсь с той целью, чтобы они успокоились, поели, выпили со мной чаю и ушли умиротворённые. Но сейчас период не тот. Или звёзды н в ту позицию встали. Они тут же кидаются в бой.

– Лучше всего ловить Кострова в офисе, – бормочет Элька, наворачивая оливье. – Туда и попасть проще, и толку будет больше. А смелость, как известно, города берёт.

– А я тебя отвезу, – улыбается Роза.

Моя машина в ремонте, поэтому я больше на такси езжу. А теперь моя «шефиня» лихо работает извозчиком.

– У тебя дети дома уже плачут, мамку не видят, – пытаюсь сыграть на материнских чувствах, – а я вполне способна и сама со своими проблемами справиться.

– Дети и муж получают максимум моей любви и внимания, – ласково обволакивает меня нежным взглядом Розка, – тем более, что у нас свекровь гостит, внучками надышаться не может. А мне нужно больше двигаться и воздухом дышать.

– Отсиживать задницу в машине и нюхать выхлопные газы.

– Лучше не спорь с ней, – раздаёт бесплатно-бесполезные советы Элька. – Всё равно не переспоришь.

Она права. Я вздыхаю. У меня просыпается зверский аппетит, и я налегаю на котлеты и остатки оливье. Пока я артачилась, подружки почти всё смели. А у меня двое. Есть просят. Голодные.

– Чёрт с вами, – сдаюсь под их напором и с тоской начинаю в уме сочинять речь. Проникновенную. Чтобы торкнуло, что ли.

Как он встретит меня? Узнает ли?..

Как оказалось, эти вопросы тревожат меня куда больше, чем актуальные тенденции в мире туристического бизнеса.

– Я всё сделала. Записала тебя на приём к Кострову, – бормочет Элька. – Получишь временный пропуск на проходной, поднимешься на семнадцатый этаж...

По тому, как она подробно описывает последовательность действий, я понимаю: Элька даже мысли не допускала, что я упрюсь и откажусь с ним видеться.

Стыдно признаться, но я хочу видеть Павлика. Горячие мечты и фантазии с платьем наедине – это всё же клиника. Как хорошо, что никто об этом не знает. Может, поэтому я согласилась пойти и поговорить с ним.

А ещё меня пугала двойня. Это ж... тяжело, наверное. И, может, лучше всё же не в одиночку растить детей?

Иллюзий я, как и прежде, не питала, но попытаться нужно. Да – да. Нет – нет. Как-нибудь и сама выкручусь. Тем более, с группой поддержки моих несравненных девушек, что почти родня, учитывая, сколько мы вместе пережили.

Розка инструктировала меня, как тренер – боксёра, что вышел на ринг с желанием победить, но сомнением в собственных силах.

– Не тушуйся и не мямли. Говори чётко и по существу. Представь, что Костров – деловой партнёр, и тебе позарез нужно заполучить его в союзники. Личные отношения – тот же бизнес, особенно, если находятся на стадии «мы случайно встретились, но у нас всё получилось в двойном размере. Так, может, нам стоит друг к другу приглядеться?».

Она меня не раздражала. Наоборот: я успокаивалась. Внутренняя пружина разжималась, спираль раскручивалась, и становилось не так мандражно.

– Давай, Юль, покажи высший класс. Я в тебя верю. Всё получится!

Розка в боевой стойке. Это она бы класс показала. Вон, у

неё глаза сверкают, грудь как не выпрыгнет из кофты с низким вырезом. А я всё же нервничаю, но назад хода нет. Раз уж решила – надо сделать.

Иду я уверенно. В душе – полный кавардак. Но на походке и на целеустремлённости это не отражается.

У меня деловой стиль. Очень строгий. Волосы собраны, макияж естественный. Юбка тёмно-синяя прямая, пиджак в тон, белая блузка выглядит аскетично и очень стильно.

Я знаю, что выгляжу хорошо. И это придаёт уверенности. Пусть все думают, что у меня деловая встреча.

– Госпожа Ефимова? Павел Дмитриевич ждёт вас, – сообщает секретарь и ведёт меня к двери.

Красивая штучка. Моложе меня. И это бьёт в сердце так сильно, что я немного теряюсь. Это что, ревность?.. Не слишком ли сильно для мужика, которого я один раз в жизни видела?

«Он отец твоих детей, – нашептывает внутренний голос, – и хватит на неё пялиться. Это секретарь. Всего лишь».

– Павел Дмитриевич? – цокает каблучками это неземное создание, – госпожа Ефимова.

Он сидит за столом. Точно такой, каким я его запомнила. Смотрит на меня вежливо. Поднимается навстречу, указывает рукой на стул.

– Сделайте нам кофе, Соня, – просит он секретаршу. – Приятно с вами познакомиться, Юлия Сергеевна.

Абсолютный незнакомец. Вежливый, холодный, очень де-

ловой. Вряд ли он мог меня узнать. В зале я была одной из толпы. В комнате с сексодромом – просто женщиной во тьме. Я его не осуждаю. Я этого ожидала, но разочарование растекается по венам, как пожар.

– Готов выслушать ваше деловое предложение, – произносит он, и я, чтобы не передумать, чётко, спокойно, взвешенно, выговариваю те слова, что заучила наизусть. У меня на это была ночь.

– Я пришла к вам по личному вопросу, Павел Дмитриевич.

Он чуть склоняет голову и пристально вглядывается в меня. Что-то мелькает в его взгляде. Он всё же узнал меня? Виду не подаёт?

– Ваш день рождения, помните?

– Я похож на маразматика? Отлично помню. И?

– Так случилось, что мы с вами... провели вместе ночь. И теперь я ношу вашего ребёнка.

О «детях» я ещё ночью решила не говорить сразу. Тактика. Проверка одним малышом. А дальше будет видно.

– Что, простите? – он всё ещё холодно-вежлив, но в глазах уже крошится лёд.

– Я беременна, – вздыхаю тяжело. – От вас.

Произношу и замираю, ожидая, когда Павлик переварит мои слова и выскажется.

Глава 10

Лёд и пламя

Юля

Пауза. Тишина. Кажется, что оглохла.

А потом тишина ломается от громового:

– Вон!

И жест повелительный на дверь. В эту секунду сюда входит Соня, секретарь Кострова, кофе нам несёт. От Костровского вопля она пятится задом, позвякивая чашками. Интересно, удержала?

– А ну пошла вон! – пылает праведным гневом отец моего будущего ребёнка. Точнее, двух детей. – Чтобы духу твоего здесь больше не было!

М-да. Надо было помягче, наверное. Не так по-деловому. Но я не представляла, как к такому подготовить. Сказать, что я чуть-чуть залетела, кажется? А потом прихлопнуть его двумя «чуть-чуть»? Впрочем, я и так смягчила. А могла сказать, что жду детей. И что там не один киндер-сюрприз, а два. Но ему и одного многовато, судя по тому, как он жилы рвёт, бедняга.

Сказать, что он меня напугал – нет. Я девочка закалённая, меня орущим мужиком не испугать. Пусть секретарша шахрается. А вот разочаровал – да. Хотя чего-то подобного я и ожидала.

Я поднялась с кресла. Спокойно и с достоинством.

Ну, вон так вон. Больше унижаться не стану. Галочку поставила «выполнено» и свалила в закат. Туда, где ждут меня верные подруги.

– Всего хорошего, Павел Дмитриевич, – я молодец. У меня даже голос не дрогнул.

Я вышла из приёмной под внимательным взглядом белокурой Сони и куда-то побрела. Свернула раз, потом второй. Затем сообразила, что мне нужно к лифту, но я, видимо, расстроилась, потому что больше всего на свете хотелось просто прислониться к стене и заплакать, наверное. А я продолжала изображать робота. Рыдать здесь – последнее дело. Займусь этим дома, на досуге и без свидетелей.

Я вдруг понимаю, что не хочу разговаривать с Розкой. Встречаться с ней глазами, нести какую-то чушь или, не сдержавшись, лить слёзы.

– Тростиночка моя, езжай домой, – воркую жизнерадостно. – Мне тут задержаться нужно. А мы потом поговорим. Да, я всё расскажу, не переживай.

Розка отнекивается, пытается спорить, но я настойчивая, а ей по делам семьи надо, я знаю. Она со мной поехала, потому что не могла подругу бросить, особенно, если обещала.

– Ты мне главное скажи – да или нет?

– Да, – легко срывается с губ. Почти правда. Я ехала сюда, чтобы поговорить. Разговор состоялся. А то, что ответ Кострова «нет», так это другое.

Надеюсь, она укатила. Для верности я выждала несколько минут, а затем отправилась к лифту. Память услужливо подсказала маршрут. А это значит, что я почти очухалась.

Он шагнул ко мне на выходе. Я даже вскрикнула. Хочет, чтобы я двойню сразу родила?

– Послушайте... – морщит лоб, пытаюсь вспомнить моё имя. Ну, да. Это сложно – запомнить. У него для этого секретарь есть, чтобы напоминать, кто к нему пришёл. А потом можно все эти имена на помойку. С глаз долой, из головы – вон.

– Юлия Сергеевна, – подсказываю со сладким ядом в голосе.

– Что? – встрепелся Костров. Кажется, пока я кипятилась, он уже полностью в себя ушёл. – Ах, да-да, Юлия. Я погорячился, простите.

Вот это номер.

Павлик стоит слишком близко. Взгляд у него рассеянный. Черты лица не такие рублено-деловые, как несколько минут назад. Сейчас он больше на человека похож. Но таять и умирать от счастья от одного его взгляда я не собираюсь.

– Неужели? – саркастически выгибаю бровь. – И что же будем делать?

– Заглаживать вину, – хватается Павлик меня за руку. Ладонь у него горячая. Как тогда. Тело предательски реагирует на самый обычный, абсолютно несексуальный жест.

– Вы считаете, что вначале можно орать и выгонять, а по-

том щёлкнете пальцами – и всё рассосётся?

– Помирился и подадим заявление в ЗАГС, – говорит этот нахал твёрдо. Так, будто и не слышит меня. Гнёт свою линию, диктатор чёрттов.

– Я должна подумать, – тяну время, потому что Костров в кабинете и Костров на пороге здания у меня в единое целое не соединяются.

– Подумайте. Но недолго, – соглашается он и целует меня в губы.

Если бы он то же самое сделал в кабинете своём, я бы растаяла и отдалась там же, на кожаном диване. Даже при открытых дверях. Даже забыв, что я нормальная, а не озабоченная нимфоманка какая-то.

Мне безумно тяжело делать то, что я делаю. Целуется он всё так же отпадно, до коленей в кисель и до отшиба мыслительного процесса. Хочется закрыть глаза и забыть обо всём.

К чёрту. Я устала. У меня гормоны. Я хочу этого мужчину.

Но гордая птица внутри расправляет крылья, и я делаю над собой волевое усилие. Кладу ему ладони на грудь и отодвигаю. Отпихиваю. Соппротивляюсь. Потому что сдвинуть его нереально – драться нужно, наверное.

Но Павлик меня отпускает. Смотрит прищурившись. Костяшками пальцев по щеке моей горячей ведёт. Я, видимо, разругалась, как матрёшка.

– К слову. Я не собиралась ни в какой замуж. Я пришла всего лишь сказать, что вы станете отцом.

– Ну и молодец. Ну и правильно, – он всё ещё разглядывает меня так, будто любит и наслаждается.

Совсем с катушек слетел, наверное. И мне вообще не понятны эти качели. То «вон пошла», то пушистый заяц – ми-ми-ми, согласный на всё.

– Всего хорошего, – нахожу в себе силы сдвинуть ноги с мёртвой точки. Нужно сосредоточиться. Такси вызвать. А это значит, ещё какое-то время торчать здесь, у здания, как мишень, в которую можно метать дротики.

К счастью, Розка никуда не уехала, стояла возле машины с совершенно круглыми глазами и руками махала, будто активную зарядку делала, мол, здесь я! Ау! Замечательно. Я одёргиваю зачем-то пиджак, поправляю волосы.

– Я найду вас, и мы поговорим, – припечатывает Павлик меня между лопаток своим ценным мнением, которого никто не спрашивал. Уверенный мерзавец. Думает, если разок поцеловал, то всё, я лапки сложила и вся его навеки.

– Рискните, – оборачиваюсь, чтобы кинуть улыбку, полную превосходства.

Вообще плевать. Вряд ли он станет это делать. Не нашёл же до сих пор, пока я у него в офисе не появилась. Да и не искал никого, судя по всему. И не приди я сегодня, не стал бы заморачиваться.

Но если смотреть трезво и объективно, то с какой стати? Одноразовая гетера-подарок не та девушка, которую ищут. И умом я это понимаю.

– Поехали, – говорю Розке, что продолжает смотреть на меня, открыв рот. Впечатлилась, видать, бедная.

– С ума сойти! – выдыхает она и заводит мотор. А я обнимаю себя за плечи.

Из меня вся храбрость улетучилась. Я устала так, будто марафонскую дистанцию пробежала и факел в руках пронесла, но, можно сказать, миссию выполнила.

Глава 11

Раздвоение личности

Павел

Всякое бывало в моей бурной и стремительно-опасной жизни. И девушки вешались на шею, и угрожали, и от навязанного брака мне отвертеться удалось. Но чтобы вот так, заявиться в офис и сказать, что я облажался, наградил кого-то ребёнком, – на такое никто не решился.

Нагло, твёрдо, уверенно. Баба с яйцами какая-то. И я не удержался. Позволил урагану вырваться из меня наружу. Уж если она врёт, глядя прямо в глаза, то не считаю нужным церемониться.

Я её послал. И направление рукой показал, как дедушка Ленин на постаменте. Но то, как она уходила, меня добило. Слишком гордо, без лишних скандалов и рукозаламываний, чтобы разжалобить.

И тогда меня немного проняло. Чёрт.

– Ты что натворил? – рычу в телефон. – Ты чем там занимался на моём дне рождения? Тут дамочка пришла, заявила, что беременна. От меня.

– Задержи её, пожалуйста, – просит Егор, и я скрежещу зубами, понимая, что... ничего не понимаю.

– Ушла твоя муза в неизвестном направлении.

Егор отключается и сбрасывает мой настойчивый звонок,

беся меня ещё больше. Через минуту он влетает в кабинет.
– Раздевайся. Быстро.

Он у нас иногда командовать умеет. Я даже пиджак успел стянуть, прежде чем очухался.

– Догола? – бью сарказмом

– Нет. Пиджак и галстук. Будет достаточно.

Галстук он с меня снимает сам. Охренеть. С ума сойти. Не вернуться назад под крышу мозга своего.

Две секунды – и Егор в моём галстуке и пиджаке вылетает, как ядерная боеголовка, на ходу зачёсывая ладонью волосы, как у меня. Ну, и что всё это значит? Как понимать? Куда бежать? Что делать? Он что, на дне рождения афродизиаков обожрался и оргию устроил с этой деловой девицей? Наш скромник Егор?

Кажется, мне нужно выпить, чтобы осознать, прийти в себя. А потом придумать план, как избавить этого дурака-простофилю от неприятностей.

Обычно это у меня жизнь ключом и катаклизмы, а Егор у нас – тихий и незаметный. Беспроблемный, как говорит мама. Вот мы и поделили сферы деятельности.

Он хороший сын, а я плохой. Он – пример для подражания, а я – исчадие ада. Он занимается тем, чем хочет, а я выполняю функции старшего сына: занимаюсь бизнесом, отдуваюсь и отбиваюсь от навязанных невест. Лишь бы Егора никто не трогал.

И вот пожалуйста: у меня всё хорошо, а он влип в историю

да ещё с разбега. Так и голову расшибить недолго, особенно такому неприкаянному тепличному растению, как он.

Ну, ничего. Кому-то нужно работать ассенизатором. А я грязи не боюсь. Поэтому подумаю, как решить проблему. А то не успеем оглянуться, как эта ушлая девица окольцует его и всучит своих детей. А там пойдёшь разберись, чьи они на самом деле.

План. Нужен чёткий и очень грамотный план действий.

– Соня, зайдите ко мне, – вызываю я секретаря.

Соня заходит с опаской. Ножкой скользит по паркету, словно мину ищет. Ну, да. Я её напугал. Но она девушка крепкая, не должна слишком уж впечатлиться.

– Соберите-ка мне досье на эту госпожу Ефимову, – даю указания и вижу, как напряжённо замирает девушка. – Всё, что сможете накопать. Не мне вас учить.

Соня кивает.

– Я могу идти, Павел Дмитриевич?

– Идите, – отпускаю я её.

Скоро у меня на столе будут вводные данные, а там уж берегись, охотница за Егоркиным «приданным»!

Егор

Это была идея Павла – заменить его на собственном дне рождения. Нам по тридцать пять уже, а мы всё ещё иногда играем в эти дурацкие игры. Очень удобно, когда похож на своего брата как две капли воды.

Мы умудрялись иногда даже очень близких за нос водить, так что подмену вряд ли кто-нибудь заметил бы.

– Тебе же это ничего не стоит, Егор. А я устал. Нуждаюсь в качественном отдыхе. Тем более, у меня уже билеты куплены. Будь человеком – выручи. Это ж не домашний праздник, где нас знают, как облупленных и где собираются только свои.

– Но и на этом вечере своих будет немало, – возражаю, всё ещё пытаясь избежать роли подставного зайца.

– В конце концов, это и не обман вовсе, – пытается задвинуть главный аргумент мой брат. – Тебе тоже тридцать пять. И ты с полным правом можешь праздновать его и в этот день, и в этом ресторане, и даже с этими людьми.

– Но, кажется, мы договорились разделять бизнес и личное, – пробую всё же отвертеться.

– Я тебе новую лабораторию организую. Всё, что ты прошишь, – выдвигает Пашка последний аргумент, и я продаюсь, как проститутка на панели, за очень большие деньги.

Кто ж знал, чем обернётся этот вечер?

Поначалу я откровенно скучал. Большого труда стоило сидеть и улыбаться, как болвану, с приклеенной улыбкой. Я даже не пытался косить под Пашку. Незачем. Достаточно растягивать губы и принимать подарки с поздравлениями.

А потом появилась она. Нет, ОНА – по-другому и не скажешь. Я её сразу заметил, из толпы выделил. И весь вечер превратился в квест: как подкатить.

Я не Пашка. У меня с женщинами проблем нет, но есть некоторые трудности со знакомствами на начальной стадии, особенно, если я не старался копировать брата.

С ней мне Пашей быть не хотелось. Я хотел быть собой. Всё в ней меня притягивало. И внешность, и запах – я и танцевал лишь потому, что это был отличный способ оказаться к девушке поближе.

Я сразу понял: она ни с кем. Сама по себе. Понятия не имел, что она забыла на Пашкином дне рождения. На тот момент меня подобная чушь не интересовала.

То, что она стала подарком, показалось символичным и правильным. Как и платье на ней.

Контрольный образец. Эксклюзив, который мы должны были представить миру как новое слово в индустрии производства текстиля из химволокна.

Где эти апостолы – Пётр и Андрей, а по совместительству наши троюродные братья – взяли его, я задумываться не стал. Не до того было.

Она. Платье. Её запах. Я три ночи не спал. Секс уже забыл, когда в последний раз... И всё случилось, как случилось.

А потом я уснул, Она исчезла.

На мои попытки узнать, кто эта девушка, Петька лишь кадыком дёрнул.

– Да на кой она тебе? Эскортница, пусть и элитная.

Правда, когда узнал, что платье исчезло вместе с дорогостоящим подарком, слегка сбледнул с лица.

– Вот су...дарыня, блин, – не посмел ругаться, увидев, наверное, мои глаза. Я бы его убил, посмей он оскорбить девушку. – Да не переживай ты так. Вернём платье. Все координаты есть, – потряс он телефоном.

– Я сам, – освободил его от обязательств, но дальше – полный провал. Девушка не отвечала, как сквозь землю провалилась. И я зашёл в штопор.

А потом попросил братьев описать девицу, которую они наняли, и понял: та, с кем я провёл ночь, и та, что они купили, – две разные девушки.

Да я и с самого начала разбирательств сомневался. Она не была похожа на представительницу древней профессии. Я такие вещи чувствую.

Пашка рвал и метал:

– Вы куда контрольный образец дели, животные!

Петя и Андруха лишь блеяли. По моей просьбе, братья-апостолы не стали рассказывать Пашке о «подарке». Чтобы не ранить его и так не совсем здоровую от свалившейся ответственности психику.

– Нужно немного подождать, – сказал я брату. – Вернётся твоё платье.

– Не моё, а новое слово! – поправил меня Пашка. – Ты на него несколько лет убил и спокоен, как Будда. Я чего-то не знаю?

– Разработка никуда не делась, – пожал я плечами. – Если ты так переживаешь, закажи новое.

На том всё и зависло. До сегодняшнего дня.

Теперь я знаю, как её зовут. Юля. А ещё у нас с ней будет ребёнок. Поэтому больше я её из вида упускать не собирался. Ни за что.

Глава 12

Удар из-за угла

Юлия

– И тогда он её поцеловал! – захлёбываясь, рассказывала Розка.

Они опять у меня собрались. Зачастили. Место встречи изменить нельзя. Но я им даже рада. А то бы сидела, думала, гадала. Или лежала в обнимку с платьем и предавалась запретным, но таким сладким мечтам.

Больше всего на свете мне сейчас хотелось сохранить трезвость ума. Когда не сочиняешь бог весть что, а реально оцениваешь ситуацию. Надо работать, идти вперёд. Не думать о поцелуях и о ЗАГСе. Он пошутил. Точно. Особенно, если учесть первую реакцию. Может, это такая проверка на вшивость у Павлика – поведусь или нет, чтобы понять: я нормальная или охотница за его миллионами.

Для себя я уже решила: не буду искать деньги. Я всё равно их не найду. А учитывая, что в скором времени рожу близнецов, мне будет немного не до бизнеса. Поэтому стоит ли расстраиваться по пустякам?

– Правильно! – поддержала Элька, когда я поделилась своими мыслями. – Вообще нужно ломать штампы и стандарты. Не влипать в эти «Солнечные компасы» по уши, отдавая им всю себя. Высосут и выбросят, особенно, пока живут вот та-

кие противные Вади на свете.

Всё она верно сказала, только мне стало грустно и обидно. За всё. И я разревелась, лила слёзы, как бесконечная лейка.

– Ну, давай поплачем, – хлопнула носом Розка и прижала меня к своей груди. – Это гормоны, усталость, нервы. Вот выйдешь замуж за Кострова, он тебе три таких компании купит, а ты потом язык Ваде покажешь. Или, может, и «Компас» купит на радостях.

Я хихикнула. А потом рассмеялась. Подруги у меня молодцы. Стойко выдержали и слёзы, и смех.

– Догонит и ещё раз купит. Он же меня выгнал, девочки. Как только услышал, что я беременная.

– А как же?.. А что же?.. – залепетала Розка. У неё не просто разрыв шаблона. У неё мозг отказывался понимать, почему мужчина, который страстно целовал меня на крыльце, мог быть другим.

– Так что на счёт «замуж» я бы не обольщалась.

– Темпераментный мачо – это похоже на Кострова. Но даже для него перебор со скачками настроения.

Элька сидела загадочно-задумчивая, а затем хлопнула себя по коленям:

– Ладно, утро вечера мудренее. Никто не знает, что день грядущий нам готовит. Не нужно зря нервничать, метаться. Куда-то нас выведет этот случай. Как говорится: что ни делается, то к лучшему.

Её слова успокоили. Больше мне не хотелось ни плакать,

ни смеяться. Хотелось есть и спать. Чем я и занялась. В кои веки выпало безделье, так почему же не потратить его с пользой?

На следующее утро я проснулась с планом на ближайшие девять месяцев. Плюс-минус для меня всё стало ясным и понятным. Поэтому нужно было утрясти некоторые моменты.

Я собиралась сказать Ваде, что не смогу собрать нужную сумму в срок. Разве что в рассрочку. Как ни тяжело, но с мечтами иногда приходится расставаться.

Мне по душе пришлась мысль о своём личном деле вне компании «Солнечный компас». Пусть это будет на такая солидная организация, а простое турагентство.

Многие начинают с нуля – и всё получается. А я зациклилась, рвала жилы, вкладывала силы и деньги в чужое. И если я тоже продам акции, уведу за собой самых креативных, молодых и толковых сотрудников, мне вполне хватит, чтобы начать с нуля, а затем вырасти в нечто большее.

У меня ум, нестандартное мышление и свежий взгляд; опыт – мой и только мой. И никто не в силах это отобрать, продать или проиграть в карты.

– Нам нужно поговорить, Юлия, – ловит меня ближе к обеду Вадя.

Вид у него многозначительный и загадочный, и я сразу понимаю: меня ждёт подлянка, поэтому пытаюсь срочно включить здоровый пофигизм. Что бы я ни услышала, не расстро-

юсь. Но все мои настройки летят в тартарары, когда он заявляет:

– Мне нужен твой ответ сейчас, Юлия, потому что я нашёл выгодного покупателя. И либо ты, либо он. Не хочу упускать. И учти: он мне даёт гораздо больше, выгода моя возрастает, но я всё же хочу дать тебе шанс.

Молодец, Вадя! Два дня! Какая скорость, какой напор! А как же десять дней? Человек слова меняет свои приоритеты, как тапки в полёте переобувает.

И он, я уверена, прекрасно понимает: мне негде взять деньги. Вадя не был бы Вадиком, если бы не пробил этот очень волнующий для него момент.

Внутри всё возмущается и покрывается пузырями. Я готова сорваться и возражать, кричать, доказывать. Не знаю, каким чудом удаётся притормозить. Но не плюнуть в него ядом я не могу.

– Очень твёрдое у тебя слово, Вадим Александрович. Гранит, можно сказать. Десять дней в полночь превращаются в тыкву – зачёркнуто – в два дня – это круто. Невероятно щедро с твоей стороны. Ты знаешь ответ. Мог бы ударить из-за угла – ничего не изменилось бы.

У Вади всё же есть совесть. Микроскопическая, как и все остальные его достоинства. Глазки бегают, он смущённо потирает подбородок.

– Ну зачем ты так? – упрекает страдальчески-трагическим голосом. – Я ведь всё объяснил.

– И я тебя поняла и слышала, Горский. Мой ответ отрицательный. Потому что у меня нет таких денег. И ты это прекрасно знаешь.

– Вот поэтому – два дня, а не десять, – пытается оправдаться он. – Но ты не переживай. Дмитриевич – мировой мужик, тебе с ним будет работать легко и приятно.

– Да пошёл ты, – говорю почти ласково и держу руку в кулаке, чтобы ненароком неприличный жест не показать. Мы всё же партнёры и на работе, как-никак.

– Юль, давай всё спокойно обсудим, а? – Вадя пытается пойти на мировую, а я демонстративно смотрю на часы.

– Обеденный перерыв, Горский. Мне питаться пора. И никакие разговоры не могут этому помешать. Я доходчиво объяснила?

– Ну, давай после обеда, – примирительно заглядывает он в глазки. И я вдруг понимаю, почему у него всё же жёны иногда задерживаются.

Вадя пытается сгладить углы, но некоторые из них настолько острые, что его микроскопических достоинств не хватает. Именно поэтому он трижды потерпел фиаско в браках и, видимо, на этом не остановится, если не пересмотрит полностью свою жизнь и собственные ошибки.

Я предпочитаю встать и выйти, чтобы не переливать из пустого в порожнее, а заодно не дать Горскому втянуть меня в «спокойное обсуждение» сложившейся ситуации.

Я отправилась в столовую. Это наша гордость – столо-

вая при компании. Цены сносные, а обслуживание и питание практически ресторанные. Моё детище. Стоило больших усилий продавить Горского, чтобы забыть о питании не пойми где. Впрочем, для тех, кому не по карману, мы создали комнаты отдыха, где можно спокойно пообедать тем, что принёс из дому.

Я взяла первое, второе, третье, два салата от жадности и десерт, предвкушая, как наемся, заедая горечь вполне понятного поражения.

Меня успокаивало лишь одно: я сама, сама хотела отказаться! И жаль, что не удалось сработать на опережение! Так бы я выглядела не настолько жалко, как брошенная всеми обезьянка посреди суровой русской зимы.

Я успела съесть восхитительный куриный супчик, прежде чем в столовую, как смертоносная стрела, врывается господин Костров. Вид у него целеустремлённый и грозный.

А я вдруг вспоминаю слова Вади: Дмитриевич. Чёрт побери – Дмитриевич! Новый полухозяин! Если это Костров, то я не уверена, что между «мировой мужик» и «мне будет с ним легко работать» можно поставить знак равенства.

Глава 13

Угрозы и обещания

Павел

Она ела. Преспокойно, с большим аппетитом. Но ждать я не собирался. Ведь я именно за этим сюда приехал, верно? У меня и так нет времени, поэтому я не буду испытывать укоры совести по отношению к этой деловой брюнетке, что даже за столом сидела как королева – спина прямая, руки изящные, губы красиво изогнуты.

Не будь я настолько зол и при других обстоятельствах, я бы, возможно, приударил за ней. Но нет, не на мой вкус. Простовата, шика в ней должного нет, зато выдержка – каждому бы такую.

Увидела меня и даже в лице не изменилась, хотя я сейчас, вероятно, похож на черта из преисподней.

– Здравствуйте, Юлия Сергеевна, – падаю на стул напротив неё. Вижу, с какой тоской она смотрит на второе. – Приятного аппетита.

– Аппетит тогда приятен, когда его никто не портит, – отчитывает она меня как школьника.

Хамка! Наглая беспринципная горгулья!

– Тогда вам ничто не помешает меня выслушать.

На её губах играет саркастическая улыбка.

– Рискните.

Ведёт она себя с таким превосходством, что мне немедленно хочется её придушить. Не знаю, почему она вызывает во мне бурю эмоций, но это непреложный факт.

– Завтра с вами свяжется мой адвокат, и вы подпишете бумаги.

– А что, замуж теперь выходят через адвоката? – старательно выгибает дугой она бровь.

– Замуж?! – кажется мамонты ревут скромнее и тише, чем я. Но это от неожиданности.

– Ах, ну да. Брачный контракт. Как я сразу не догадалась. Это нынче модно. Будете настаивать, что я ни на что не претендую? Или, может, мечтаете отобрать у меня ребёнка?

Вот это сила, вот это напор – и я понимаю! Все мысли – в нужном направлении и нацелены на результат!

– Послушайте, вы. Я бы вам посоветовал никому не морочить своей беременностью голову. Сегодня не каменный век, а поэтому, если вы действительно в положении, выяснить, чей ребёнок, труда не составит.

– Можете запроверяться, если есть желание, – прищуривается эта фурия, – а я вам не навязываюсь и малыша своего обижать не позволю!

– А зачем вы тогда в мой офис припёрлись? В шахматы со мной поиграть?

– Да я бы с вами на одном поле по нужде не пошла б! – огрызается, как зверь.

– А в постель, значит, если вам верить, пошли? – тут же

ловлю её на слове и вижу, как она краснеет и начинает хлопнуть ртом. Её распирает от возмущения.

– Всего хорошего, – поднимается она из-за стола.

– Сядьте! – рявкаю. – Мы ещё не договорили!

– Да пошёл ты, – выдаёт она в сердцах и, цокая каблучками вылетает из столовой.

Первый порыв – догнать, заставить выслушать до конца, но не бегать же за ней по всему зданию? Пусть остынет. Самое главное я ей сообщил, рутиной займётся адвокат, а я поговорю с ней, когда остынет.

Главное – не дать этому простофиле позволить себя окрутить. Так что цель оправдывает средства!

Егор

Выяснить, кто она такая, – труд небольшой. Нужно всего лишь ещё разок под Пашку закосить и подкатить к его Сонечке. Тем более, случай подвернулся идеальный: Пашка куда-то свалил, народ сразу расслабился и расселся кофе пить на рабочих местах.

Я людей за это не осуждал: брат нередко – тот ещё мудака. Ему всё кажется, что если он будет круче куриных яйцеклеток, то добьётся гораздо большего, чем сейчас.

Я не вмешиваюсь. Не мой стиль. Тем более, мы давно обо всём договорились: он ворочает деньгами, я занимаюсь любимым делом. Но порой я всё же его осаживаю, в чувство привожу, иначе заносит его на поворотах, как машину с лы-

сыми шинами.

– Я же скинула вам все данные, Павел Дмитриевич – лепечет Сонечка.

– А я случайно их удалил, – развожу руками и улыбаюсь фирменной Пашкиной улыбкой. – Я сам, а то опять путаница выйдет.

Пробегаю глазами файл. Джеймс Бонд отдыхает. Такие подробности могла нарыть только любознательная женщина.

– Спасибо, Соня, вы меня выручили.

– Вы не скопируете данные? – хлопает она глазами.

Ах, да. Чуть не прокололся. Это мне достаточно взгляда – память у меня цепкая, почти идеальная. Пашка же предпочитает иметь информацию под рукой.

Невозмутимо переношу данные в телефон.

– Павел Дмитриевич мне голову оторвёт, – вздыхает она.

Догадалась. Очень умная и внимательная девочка.

– А ты не доноси ему каждый чих, – улыбаюсь уже, как я – не так лучезарно, но, говорят, очень обаятельно. – Он и знать не будет. А если что, расскажешь всё, как было. И не обязательно сообщать ему, что ты меня узнала. Ведь узнала уже тогда, когда изменить ничего нельзя. Поэтому прими факт и расслабься, – подмигиваю и ухожу прочь.

Мне хочется насвистывать, подпрыгнуть на месте и достать рукой пусть не до потолка, а хоть до чего-нибудь.

Я скоро её увижу. А остальное будем решать по мере возникновения проблем.

Это сложно объяснить. Но я ещё в ресторане, когда смотрел на неё издалека, почувствовал: моя. Та самая. Насквозь прошило, как молнией.

Так ко мне приходят открытия, рождаются гениальные мысли и нестандартные решения. Толчок. Удар. Озарение. Только так – и никак иначе.

Быть с ней показалось правильным, самым лучшим, что только могло быть, поэтому я позволил себе потерять голову. Может, поэтому она сейчас носит моего ребёнка. Самого лучшего малыша – неповторимого!

От этой мысли рвало башню, и мир светился, как новогодняя ёлка. Остались сущие пустяки: немного подождать, пока Юля не поймёт, что вытянула счастливый билет. То есть меня. В том, что это так, я не сомневался.

Никогда не был самонадеянным ослом, пупом земли, вокруг которого вращались все и вся. Поэтому подобные мысли – не эгоизм, а предчувствие, стойкое ощущение правильности всего происходящего.

Оставалось лишь несколько незначительных «но». Одно из которых – мой брат Павел. Точнее, он и был основным источником некоторых моих опасений или страхов.

Мы никогда с ним не делили девушек. Вкусы отличались, темпераменты, сферы общения. Он личность публичная, я, по меркам общества, очень замкнутый и необщительный человек.

Юля пришла на день рождения к Пашке. Значит они где-

то пересекались. А что если ей нравится именно мой взбалмошный, очень целеустремлённый и, что греха таить, очень обеспеченный Павел Костров?

В то, что она охотница за миллионами я не верил, но и слишком наивным в свои тридцать пять не был.

Она поменялась с «подарком» местами. Зачем? Какую цель преследовала? Чего хотела на самом деле?

Все эти мысли немного отравляли моё искристо-радужное настроение. И у меня оставался пока лишь один выход: быть Пашкой. До выяснения всех скользких моментов.

Мне не хотелось, но, скрипя зубами и сжав сердце в кулак, я признал «производственную необходимость». Поэтому – снова одинаковая одежда, опять Пашкина причёска и самое неприятное для меня – замена очков линзами.

Я очкарик. Пашка – нет. И кто повнимательнее, тот мог по этому незначительному штришку разоблачить обман. Но обычно нас путали. Мы всех путали, хоть по сути были похожи друг на друга, как свинья на коня.

Вот с такими мыслями я подкатил к «Солнечному компасу» – компании, где работала моя девушка. И первый, с кем я столкнулся, был он – моя копия, брат-близнец с очень злой мордой.

Вначале он споткнулся. Затем преисполнился мрачной решительностью.

– Гляжусь в тебя как в зеркало, – прошипел он яростно, абсолютно не скрывая свой дурной нрав. – Ты что здесь за-

был, Егор?

Нужно сразу расставить все точки, запятые, тире и прочие знаки препинания. Иначе гитлер капут, караул, руки вверх и спасайся, кто может.

– Это я хочу тебя спросить, Павел Дмитриевич: не попутал ли ты место встречи? Не потерял ли свой органайзер? Не устроила ли Сонечка тебе взрыв на макаронной фабрике?

Руки так и чесались схватить его за пиджак-близнец и встряхнуть как следует.

У Пашки лицо перекосило. Кто в курсе, те знают, что с ним это случается: он боевая машина, конечно, и солдат любви отменный, однако, при всей его организованности, случается, путается в расписании, а иногда бывает непунктуальным. Поэтому мой великолепный брат намёк понял. Он вообще у нас очень умный и сообразительный.

– Я не позволю тебе наделать глупостей! – заявил Пашка самоуверенно.

– Аналогично. Позволь мне самому разобраться с моей жизнью, моей девушкой, что ждёт моего ребёнка.

– Да нет там никакого ребёнка! – плюнул в сердцах Пашка. – Морочит она голову – зуб даю!

– Если будешь разбрасываться зубами, скоро будешь ходить как младенец – с голыми дёснами. Поэтому садись в машину, езжай по важным делам и не лезь, куда не просят. А вечером мы договорим.

Пашка ещё раз плюнул. В сердцах и от души. Пусть хоть

заплюётся, как верблюд, лишь бы не вмешивался, куда не просят.

Я дождался, пока он сядет в машину и уедет. И только после этого со спокойной душой переступил порог здания, где располагался «Солнечный компас». Настала пора выйти из тени прямо на подмости.

Актёр из меня так себе, но, кажется, я с удовольствием сыграю эту роль.

Глава 14

За секунду до взрыва

Юля

Он развёл меня на эмоции. Ему удалось! Обычно я ни на какие провокации не ведусь, иначе не была бы тем, кем я сейчас являюсь. Женщине в мире бизнеса удержаться гораздо сложнее. Ей неохотно прощают промахи. Хотя, конечно, многое по обстоятельствам. Но я свой путь прокладывала самостоятельно, без поддержки спонсоров и толпы любовников.

Я тяжело вздохнула. А ведь у меня могли быть и те, и другие. А я выбрала Кострова, потому что, видишь ли, у меня биологический цикл для зачатия совпал. Пальцем в небо, как говорится.

Элька предупреждала? Да. О том, что он хам и бабник. И вот. Вместо того, чтобы работать, сижу, голова им забита по самый хвостик.

Как в нём уживались разные люди – понятия не имею. Но то, что я понять не могу этого человека – безусловно.

Я вздохнула, отпила чая с мятой. Сбежав из столовой, я уединилась в своём кабинетике – очень скромном и неприятном (Вадя всё же у нас посolidнее да и, что уж – поважнее даже в плане нашего совладения. Ненамного, но перевес преимуществ налицо), и решила переждать, пока уля-

жется буря внутри.

Больше всего я жалела о брошенном обеде. Супчик словно в бездонную бочку провалился. А там ещё спагетти под соусом остались, мясо и салат, сок и пончики, что тают во рту. А нас, между прочим, трое. И мы почти голодные! Так жалко себя стало, хоть плачь.

И на этой драматической ноте вдруг кто-то осторожно постучал в дверь. Я даже рот открыть не успела, как она распахнулась, являя очам всё того же Кострова.

То, что он постучал, само по себе удивительно. А то, что появился – нет. Он же теперь почти хозяин Вадиной половины, имеет право оглядывать владения и челядь. Применять на себя функции нового барина. Захочет – по заливку приласкает, а нет – выпорот на конюшне.

Мысли мои потекли не в том направлении, и внутри сладко ёкнуло, когда я представила, чем можно заняться с Костровым на сене.

Ёлки-палки, я почти мать двоих детей, куда меня несёт? В какие дали? Да ещё с Костровым. С этим неврастеником в разведку и в космос категорически нельзя – если не предаст, так точно заперет любую операцию своей несдержанностью.

– Юлия Сергеевна, можно? – сама невинность и простота! На лице Кострова – умиротворение и благодушие.

– А почему не с ноги? Вам бы этот стиль больше подошёл. Точнее, идеально вписался в образ крутого перца.

Павел Дмитриевич вошёл внутрь и закрыл за собой дверь.

Деликатные, но очень уверенные действия. Я так увлеклась его разглядыванием, что пропустила сигнал тревоги. Да что там – вой сирены, предвещающей беду, не услышала.

Как бы это помягче сказать?.. Меня накрыли эмоции. Не могу объяснить точно, но, кажется, гормоны – это ужасная штука, которая пагубно влияет на не привыкший к его скачкам и выкрутасам организм.

Меня тянуло к Кострову. Неимоверно. Вот в столовой он раздражал – я его убить готова была, порвать на клочки. А сейчас... он меня волновал. В животе слоноподобные бабочки размером с кулак выплясывали дикий канкан.

Я хлебнула ещё чая, чтобы и слоников успокоить, и в чувства прийти.

– Я устал быть крутым перцем, – признаётся эта скотина и честно смотрит мне в глаза. Неслыханно. Дерзко и в то же время бесхитростно, как ребёнок. – Можно я побуду самим собой?

Егор

Она меряет меня уничтожающим взглядом. Изучающе и подробно. Мне даже нос захотелось почесать и с ноги на ногу переступить, но я мужественно сохраняю Пашкину раскованность и свой фирменный доброжелательный взгляд.

– Осталось ещё что-то, чего вы на меня не вывалили? Не всеми своими адвокатами ещё запугали? Я не буду подписывать бумаги, потому что не собираюсь быть мышечным меш-

ком, что вынашивает ваших детей.

Никогда не думал, что однажды мне захочется прибить собственного брата-близнеца. Хотя от него можно было ожидать чего угодно. И то, что он ринулся в бой, трепать нервы моей беременной девушке, — очень в его стиле.

Но ведь что-то её в нём привлекло? Зачем-то же она помещалась местами с эскортницей, залезла в подарочный ящик, разделила постель, в конце концов?

Именно это я и хотел выяснить, правда, пока не придумал, как.

В голове молнией мелькнула малодушная мыслишка: а нужно ли выяснять? Может, проще сказать правду?

Но тогда я не узнаю, что двигало ею, буду мучиться и гадать: ей нужен Пашка? Я? Деньги?

Хотя, судя по всему, деньги её не интересуют. На первый взгляд. Неплохо бы копнуть чуть глубже, но осторожно, не Пашкиными методами.

— Предлагаю перемирие, — улыбаюсь как можно доброжелательнее и основательно усаживаюсь на стул перед надутой Юлькой.

У неё клоочет всё внутри, но она изо всех сил пытается сдержаться. Не швырнуть в меня чем-нибудь. Точнее, в Павлика. Жаль, что его рядом нет. Я бы разрешил — пусть его побьёт. Неплохая идея: когда всё пазлы сложатся, я позволю ей потрепать Павла Дмитриевича от души. А самому вместо него получать в лоб как-то желания нет.

– Послушайте... шли бы вы лесом. Я разок вас уже послала. Мало? Я могу повторить и направление указать, чтобы веселее было шагать.

– Пешее эротическое путешествие? – деловито интересуюсь я и вижу, как её клинит. О, да. Она точно знает этот дурацкий анекдот. Он как раз из сферы её деятельности. – Я бы не отказался, – добавляю и чувствую, как невольно проседает мой голос. – Вместе с тобой.

А вот это вообще получилось слишком эмоционально, потому что я не к месту вспомнил, как податливы её губы, как она вздыхала, когда я прикасался к ней.

Юлька вдруг встаёт из-за стола, огибает его и, не отрывая взгляда от меня, идёт медленно, завораживающе, соблазнительно покачивая бёдрами.

Я моргнул. Потом сглотнул. И даже почувствовал, как мысли с воплями: «Чпок!» покидают мою умную голову.

А потом она взяла и вылила мне на голову стакан воды. Отрезвила. Вот же зараза!

Юля

– Да что вы себе позволяете?! – взревел, как лось по весне, Павлик и вскочил на ноги.

В сидячем положении он мне нравился больше – не так подавлял. А сейчас он выше, неудобно голову задирать, чтобы видеть его мокрое и злое лицо.

Мне нравилась его манера то «тыкать», то «выкать».

Сплошное разнообразие. Как говорится, не заскучаешь.

– Что хочу, то и делаю, – цежу сквозь зубы. – Вы мне не указ.

– Пока в вас живёт мой ребёнок, я не только указ, а царь, бог и даже герой.

Кому-то Боженька мозгов отсыпал, а Павлику – слишком раздутую самоуверенность.

– Не надорвётесь? В трёх ипостасях-то? – щурю глаза, и руки сами по себе в боки лезут.

– Я выносливый и жилистый.

– Вы наглый и самоуверенный.

– Стрессоустойчивый и спокойный.

– Другими словами – пофигист!

– Вам меня не уязвить, поэтому не старайтесь.

– Потому что вы бесчувственный, бессердечный сухарь!

– Зато вы, – запнулся, посмотрел на меня пристально и совершенно другим голосом сказал: – Ты такая красивая, Юль.

В груди булькнуло и захлебнулось от избытка чувств сердце, но я всё же попыталась воспротивиться тому магнетизму, что сбивал с ног, тащил на аркане к этому невыносимому мужчине.

– Не морочьте мне голову! – прошипела из последних сил.

– И не собирался, – ответил он спокойно и предложил: – Давай немного помолчим.

– Ни за что!

Он вздохнул и кивнул с сожалением:

– А придётся.

И накрыл мои губы умопомрачительным поцелуем.

На миг я позволила себе обмякнуть, расслабиться. Приятно ж, чёрт побери! А потом нашла силы оттолкнуть Павлика от себя подальше. И от греха тоже. А то вот-вот – и опять случится сексзатмение.

Стоим мы, значит, красные, пялимся друг на друга, дышим тяжело. У него волосы мокрые и пиджак пострадал. А всего-то четверть стакана выплеснула. Уж что было.

Я, наверное, тоже хороша, как помидор на грядке после ливня.

И тут дверь без стука открывается. Я уже было собралась рывкнуть, что неплохо бы не врываться без спроса. Но только булькнула и на каблуках качнулась.

– Юль, ты что, в рабочее время душ принимаешь или дерёшься? Или спортом занимаешься? – поинтересовался вошедший и ленивым взглядом облизал меня с ног до головы. Медленно, с оттяжкой.

– А ты что здесь забыл? – каркнула грубо, обретя наконец-то возможность говорить.

– А я купил эту компанию, Юль, – выдал этот гад, и в башке моей взорвалась петарда, окрашивая мир в бело-красные всполохи, точки и пимпочки.

– Кто это? – спросил Павлик Дмитриевич.

Конь в пальто. Дед Пихто.

– Никто, – процедила, почти не разжимая губ, чтобы не

зарычать ненароком.

Потому что перед нами во всю красу своих замечательных метр девяносто шесть стоял Алексей Дмитриевич Ильин.

Моя бывшая, а также сумасшедшая, а также несчастная любовь.

Тот, из-за которого я поклялась никогда больше не влюбляться, чтобы не быть слабой и беззащитной, брошенной и несчастной.

Глава 15

И грянул гром. И полетели перья

Юля

Судьба, если ты хотела ударить, то сделала это подлю и очень больно. Но мне уже давно не двадцать, поэтому на ногах я устояла, хотя по правилам бокса нокдаун засчитан: несколько секунд я пребывала в прострации, пытаюсь очухаться.

Мой «Солнечный компас» в руках Лёхи?.. Он теперь мой совладелец? И ясно-понятно, что если и оставались призрачные надежды выкупить акции потом когда-нибудь, то только что они разбились о суровую реальность жизни.

А потом случилось это. Павлик Костров закрыл меня спиной. Отгородил от персонального кошмара. Вышел вперёд, решительным жестом отправляя меня в свой крепкозадый тыл.

От неожиданности я уткнулась ему лицом между лопаток – прямо в пиджак за несколько тысяч баксов. Почувствовала, как рука Кострова по-хозяйски погладила меня за бочок, и стало легче дышать.

По идее, возмутиться нужно, объяснить, чтобы не путал меня с собакой, а на деле я плотнее прижалась лбом к его спине и судорожно вздохнула. Получился несчастный горестный всхлип. Правда, очень тихий. Возможно, Лёха его

не услышал – я на это очень надеюсь.

– Потрудитесь выйти и закрыть дверь с той стороны, – сказал Павлик таким тоном, что даже я невольно сжалась.

– С чего бы? – холодно возразил Лёшка. – Рабочий день в разгаре, а с Юлией Сергеевной нам нужно утрясти важные моменты. Это вам бы я посоветовал покинуть кабинет, а потом – и стены здания. Судя по вашему внешнему виду, Юлия Сергеевна ясно дала вам понять, что вы – нежелательный гость или клиент.

– Рабочий день продолжится через несколько минут, а сейчас – обеденный перерыв. И, насколько я понял, Юлия Сергеевна не желает вести с вами беседы и тратить время, отведённое на законный отдых, на обсуждение с вами деловых вопросов. А я со своей невестой сам как-нибудь разберусь, без посторонних.

– А-а-а, жени-и-их-х-х! – издевательски протянул-прошипел мой бывший. – Ну так и я не посторонний. И тоже жених. А в обеденный перерыв могу и не дела обсуждать, а личное. Глубокое личное, проверенное годами.

Сволочь. Я покрепче впечатала лоб в восхитительную ткань и вдохнула запах Павлика Кострова, а затем взяла и сделала то, чего мне очень хотелось: обвила руками талию своего э-э-э жениха.

Горячий – это единственное, что меня порадовало. А ещё понравилось, как его живот дёрнулся под моими пальцами. И если уж взвешивать два зла, то Костров мне нравился

больше, чем беседа с бывшим Ильиным.

Вот ведь: Лёшку я знала куда лучше, чем Павлика Кострова, а ближе и понятнее, не таким пугающим оказался почти незнакомый человек. Отец моих детей. И это придало сил. Влило их буквально в жилы, доставило кислород, куда надо, и мозг благодарно заурчал, заработал, как исправный мотор.

Я не отказала себе в удовольствии – погладила собственнически Павлика по животу, от чего он содрогнулся весьма ощутимо, доставляя мне незабываемые моменты торжества. Теперь я точно знаю, как его укрощать! А затем, вздохнув, отлипла наконец-то и вышла из-за спины-укрытия.

– Алексей... Дмитриевич, выйдите, пожалуйста. Мы с вами обязательно побеседуем после обеденного перерыва, – я скользнула взглядом по циферблату строгих офисных часов.

Мда-с. Ну, шесть минут – это лучше, чем ничего.

Лёха, хмыкнув, сделал шаг назад.

– Ну, заканчивайте, Юлия Сергеевна, со своим женихом начатое. У вас ровно пять минут. Этого, конечно, весьма мало, чтобы достичь пика... во взаимопонимании, но некоторым мужчинам вполне хватает, чтобы спустить э-э-э... пар. Ровно через пять минут я вернусь.

Ой, да вали уже, юный потомок Эзопа!

Вздох облегчения я не сдержала, когда за бывшим наконец-то закрылась дверь.

Егор

Я никогда не защищал женщин. Как-то не пришлось. Раз-ве что в детстве, кажется, в третьем классе, заступился за одноклассницу, которая слыла изгоем, над ней все издевались, а она ревела и никак не могла дать сдачи.

В тот день мне расквасили нос, а Пашка потом отомстил обидчикам: быстрый на расправу, ему кулаками махать — лишь бы повод был. Он и сейчас такой, хоть с виду и не скажешь. Но в тридцать пять уже научился контролировать собственные действия. Почти.

А позже мне было как-то не до бразильских страстей: я вёл очень тихую скромную жизнь, где не оставалось места бурным чувствам, всепожирающему пламени. Я и девушек выбирал... удобных. Скромных, спокойных, никаких.

И вот меня угораздило. Юлия Ефимова может быть кем угодно, но только не скромной серой мышью. Она скорее яркий праздник и океан всевозможных радостей и проблем одновременно.

И, тем не менее, меня это не пугало. А сегодня я вдруг почувствовал себя и Отелло, и защитником всех униженных и оскорблённых. И в нос этому громиле под потолок тоже хотелось двинуть.

Кто он, ёшкин кот? Какой жених? Бывший? Так мы его быстро узлом завяжем и плясать бубликом заставим. Юлия с ним общаться не хотела, а значит я готов был сделать всё, чтобы оградить её от этого мерзкого типа с глазами, что сдирают с моей девушки не только одежду, но и кожу.

Юлька покачнулась. Я её подхватил. С тревогой подумал: она такая нежная. Не хрупкая тростинка, но и не крепкая девица. В самый раз, всего в меру. А главное – мне нравится.

– Устала? – спросил буднично, будто миллион раз это уже делал, и подвинул ногой офисный стул.

Юлька ни спорить, ни героиню корчить из себя не стала: кивнула благодарна и осторожно устроилась на мягком сиденье.

В глазах у неё – вселенская тоска. Судя по всему, накрыло здорово.

– Сейчас. Я сосредоточусь, – говорит то ли мне, то ли сама себя уговаривает. – Соберусь. Он вернётся, а я готова.

– Может, послать его?

Юля поднимает на меня глаза и смотрит так, словно думает, кто я такой и откуда взялся. Это немного обидно. Я чувствую себя одиноким и лишним. Ей что, этот Казанова дорог? Настолько, что она в себя прийти не может?..

– Павлик... Павел. Ты иди, ладно. Спасибо, что помог. А дальше я сама. Тут всё сложнее намного. Просто послать не получится, – вздыхает она.

– Может, объяснишь? Я сообразительный. Пойму, что к чему, – пытаюсь исподволь выпытать хоть что-нибудь.

Юлька качает головой, видимо, не собираясь ничего объяснять, а затем её прорывает, как истончившуюся наволочку, откуда летят пух и перья.

– Я полувладелица «Солнечного компаса». У меня часть

акций. А Вадя свои продал Лёше. Так что теперь он вроде как мой компаньон и полуглава. А если учесть, что у него контрольный пакет акций, то...

Она умолкает, вздыхает тяжело.

– То есть всё дело в деньгах? – задаю наводящий вопрос.

– Да, – отвечает она честно, – но уже не совсем актуально. У меня их не было, чтобы стать владелицей всей компании, а теперь... – она устало махнула рукой.

Значит, деньги. Интересно, она бы попросила их у Пашки? Если это было целью, почему не сделала этого сразу?

– Этот тип... он что-то значил для тебя? – задаю ещё один мучающий меня вопрос.

– Значил. Очень, – Юля снова честна, и это вроде бы плюс, но больше всего на свете мне хочется двинуть себя в лоб и отмотать время на минуту назад, чтобы не спрашивать и не слышать её ответ. – Ты иди, ладно? – снова гонит она меня. – И прости, что я... В общем, прости. Считай, что ничего не было, – выдаёт она, а я готов взречься паровозным гудком. Или паровозным. Не знаю: что громче, то и лучше.

Что значит «ничего не было»?! С какой стати «не было»?! Это что, Пашка прав и никакого ребёнка не существует?

Так. Остыть. Прийти в себя. Утрясти всё, что она наговорила. Займусь аутотренингом, как сударыня Ефимова только что.

Минутная стрелка бодро щёлкает и становится ровно на цифру «12». То есть обед закончился. Сейчас это «совер-

шенство» вернётся. И, кстати, он что-то «значил» – в прошедшем времени. Так что рано сдаваться.

– Я вернусь, – говорю многозначительно и ухожу, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Нет, Юлия, я не из тех, кто сдаётся! Я из тех, кто всегда добивается результата!

Глава 16

Полуделовой разговор

Юля

Я сама себя не узнаю. Эти перепады настроения, видимо, очередная шуточка гормонов и близнецов, что поселились во мне и требуют жрать, спать, рыдать. Больше мне ничего не хочется. Особенно встречаться с Лёшенькой.

Нет. Я бы, наверное, не хотела, чтобы Павлик ушёл. А он всё же покинул меня и дверь аккуратно за собой прикрыл.

Мне понравилось стоять за его спиной. Я чувствовала себя защищённой и... слабой. В тот миг я могла себе это позволить – быть простой женщиной, у которой есть кому решать все дела и проблемы.

Но так не бывает – это я уже давно уяснила. Либо ты всё делаешь сама, либо позволишь топтаться по себе, превращаясь в обычную услужливую самку, к которой относятся снисходительно, как к домашнему животному.

Кошек и собак любят, даже членами семьи считают, но ни о каком равноправии речь не идёт. Просто игрушка: захочет мужчина – посадит на колени и за ушком почешет. Не захочет – пошла вон, на выход. Можешь с вещами, а не пожелает господин – голым задом по ступенькам. Ещё и пендель рискуешь получить для ускорения.

За те пару минут, что даны мне на передышку, я снова

возвращаюсь из состояния киселя в нормальный тонус.

Ильин не тот человек, что отступает. В этот раз он демонстративно стучит, но не ждёт, пока я отвечу – входит победителем. Чемпион мира. Я знаю его, наверное, лучше всех. Может, даже мама его не в курсе, каким он может быть порой.

Кстати, маме его я никогда не нравилась – понаехавшая из деревни. Но это уже незначительные мелочи.

– И снова здравствуйте, – тянет он лыбу, а я думаю: что я в нём нашла тогда? Что есть в нём прекрасного, кроме роста и внешности?

Вон, Павлик ему проигрывает. И в красоте, и в росте. Хотя, если разобраться, такой же шовинист. Да ещё с перепадами настроения: то он мерзок до невозможности, то заботлив, как няня.

И все эти выкрутасы наводят меня на мысль: он просто меня прощупывает, чтобы потом снова напасть и пнуть побольнее. Другого объяснения я не нахожу. Вон как выпрашивал участливо про деньги, например. Думает, я ради бабла с ним в постель легла?

– Здравствуй, Юль, – переходит Лёха на нормальный тон, видимо, впечатлившись моим каменным спокойствием.

Мне как-то вообще всё равно – есть он, нет его. У меня в жизни такие крутые русские ямки да кочки, что американские горки нервно курят в углу и плачут.

– Добрый день, Алексей Дмитриевич, – теперь я стара-

тельно растягиваю губы, изображая деловую вежливость.

– Ты как не родная, – хохотнул он. – Можно и без этих церемоний, учитывая наше бурное прошлое.

Это у тебя оно было бурное. А у меня – обычное. Очень даже скромное, подчинённое единому божеству – Лёшеньке Ильину.

В рот ему глядела, надышаться не могла. Глазами влюблённой дуручки на него смотрела, любой каприз исполняла. Была ему и любовницей, и кухаркой, и домработницей в одном лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.